Д 791
1142

Смерть немецким оккупантам!

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОАРМЕЙЦА

В бой за Москву

ВОЕНИЗДАТ
НКО СССР · 1942

Смерть немецким оккупантам!

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

791
1142
Б 795

В БОЯХ ЗА МОСКВУ

СБОРНИК РАССКАЗОВ,
ОЧЕРКОВ И СТИХОВ

☆

178679

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1942

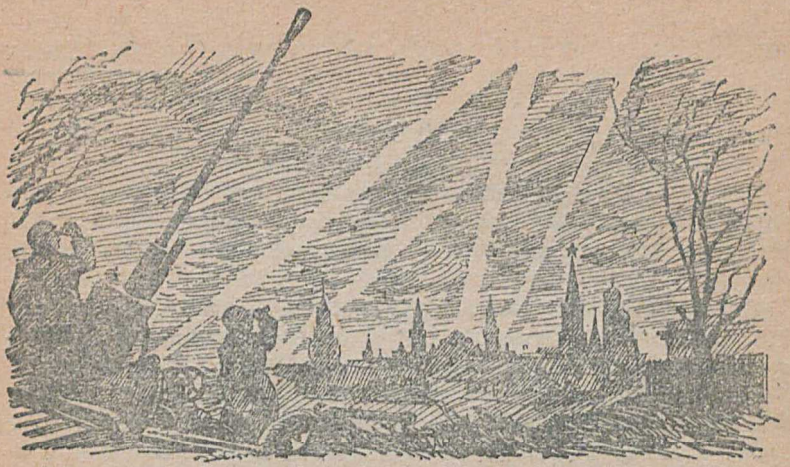
2018791202

Гос. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
33243-77

Редактор *Е. Н. Герасимов*

Г 84061. Подписано к печати 7.3.42 г.
Объем 2½ печ. л. В одном печ. л. 63 900 тип. знаков
Заказ № 117.

3-я типография «Красный пролетарий» ОГИЗа РСФСР
треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.



А. Сурков

ПОЛКОВОДЕЦ

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

Он наш корабль к победам вел сквозь годы,
Для нашей славы временем храним.
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.

По карте фронт узорной вязью вьется.
И он, нацелясь в черные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отодвигает к Западу флажки.

Он стал над фронтом, над Москвой, над нами...
Он руку к Западу простер свою:
— Пусть осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!

Вл. Лидин

НАШ ГОРОД

Каждая улица Москвы близка нам, как комната, в которой мы родились. Мы проходим по этим улицам, и история города шествует рядом с нами, ибо это в то же время история жизни каждого из нас.

Старая Тверская, убегающая с одного конца в широкий простор Тверских-Ямских, а с другого—разливающаяся в Красную площадь, стала на наших глазах улицей Горького.

Мы помним все, связанное с этой улицей. Мы помним, как из старой Тверской она становилась дорогой славы, как снег листовок покрывал мостовую, когда по ней возвращались из Арктики челюскинцы, из полета через Северный Полюс—Чкалов, с Северного Полюса—побывавшие на нем впервые за всю историю человечества наши люди.

В Московском университете до сих пор живет дух Герцена, Станкевича, Огарева, Грановского. Тут же, по другую сторону Моховой, мы привыкли видеть зубчатую стену старого Кремля, где жил и работал великий Ленин...

Мы привыкли, что наши московские улицы перерастают свои скромные городские названия и становятся сами по себе символом эпохи.

За несколько лет старая, широкая и полупровинциальная Калужская улица стала улицей Академии наук. За несколько лет старые, приземистые дома бывшей окраины сменились институтами и лабораториями, и мы привыкли, что отсюда, из Москвы, научная мысль звучит на весь мир. Мы привыкли к тому, что Институт экспериментальной медицины перекликается своей славой с Третьяковской галлереей и Библиотека имени Ленина—с заводом «Шарикоподшипник».

Мы привыкли к тому, что на пустырях возникли Парк Культуры и Отдыха и Сельскохозяйственная выставка, что новые мосты перекинулись через Москва-реку, что каждый год расталкивалась старая Москва и на месте домов прош-

лого возникали великолепные здания, кино и театры. Мы привыкли, что древнее тело Москвы протачивалось тоннелями метро и каждые два года прибавлялись новые станции.

Много раз ночью, поднимаясь по крутизне Красной площади, не один из нас останавливался в раздумье возле Лобного места, которое видело и казнь стрельцов, и Октябрьскую революцию, и первые отряды рабочих, уходивших в 1919 году защищать революцию, и парады Красной Армии, ежегодно отчитывающейся перед страной.

На наших глазах строилось мировое хранилище книг— Библиотека имени Ленина.

Бывало, мы годами не заглядывали в районы, которые в нашей памяти были захудалыми и провинциальными окраинами города. Но иногда случай или дело закидывали нас туда, и мы ничего не узнавали и озирались, не понимая, когда успели возникнуть эти большие дома, эти рабочие клубы, эти скверы, эти асфальтированные улицы.

Мы привыкли к тому, что планы перестройки города и проекты его будущих зданий не умещались уже в московских витринах, мимо которых в дни праздников мы проходили, как по городу будущего. Мы привыкли к тому, что это будущее становилось для нас сегодняшним днем; мы видели, как белые волжские пароходы пришли на Москва-реку и встали перед Кремлевским дворцом, рапортуя о завершении работ по постройке канала Волга—Москва; мы привыкли к тому, что жить в Москве, где живет и работает Сталин,—это значит быть в центре духовной жизни мира.

В полночь, слушая у наших радиоприемников бой часов Кремлевской башни, мы знали, что весь мир слушает в этот час голос древней Москвы, которая не замкнулась, как многие мировые города, в круге своей старой истории, а идет в авангарде эпохи, как самый молодой город современности.

Мы проходим сегодня по улицам нашего города. Следы испытаний делают прекрасным мужественное лицо. Лицо труса от испытаний стареет. Лицо победившей Москвы мужественно и прекрасно. Она всегда готова к борьбе, ветер шевелит на древках ее боевые знамена. Есть города, которые обращены

лишь к своему прошлому. Не разбудить старой славы Венеции, не проснуться пережившему свою историю Брюгге, город Париж еще не вписал новых страниц в книгу своей прошлой славы. Москва обращена к будущему. Именно поэтому она стала для нас куском нашей биографии. С каждой ее улицей связана часть нашей жизни. Москва росла, и мы росли вместе с нею. Каждая радость Москвы была нашей радостью. Каждая ее победа означала, что мы идем в авангарде времени. Этот город для каждого из нас неотделим от нашей личной судьбы. И мы переживем вместе с ним все его трудности и испытания, чтобы сделать еще более прекрасной нашу победившую Москву.

С. Щипачев

МОСКВА В ЭТИ ДНИ

Завидуя бессмертной нашей славе,
Потомки вспомнят грозные дела,
Стараясь как-нибудь себе представить,
Какой же в эти дни Москва была?

Они увидят—словно все приснится:
И жесткий снег в ночи прифронтовой,
И твердые простые лица
В сверкании зениток над Москвой.

Военные плакаты—в коридорах,
В походных книжках—адреса друзей,
Разгромленные танки, у которых
На гусеницах пыль Европы всей!

Москва! Благословен твой каждый камень,
Как вся святая русская земля.
Нас осеняет ленинское знамя,
Нас в бой зовут столетия Кремля!

ОКТЯБРЬ 1941 года

Когда во дворе школы мы выстроились в шеренгу, я оказался вторым на правом фланге. Первым был Тихон Захарович Зобов, профессор токсикологии, костлявый, высокий, похожий на Дон-Кихота. Влево от меня стояли: Кирилл Петрович Сперанский, ассистент профессора Зобова; Серафим Никифорович Кучуба, рабочий-монтажник с третьей трассы метро; Ваня Попков, студент Библиотечного института, и еще двести одиннадцать товарищей, фамилии которых я знал только по ежедневным перекличкам.

После того как шеренга перестроилась в колонну, мы—Зобов, я, Сперанский, Кучуба и Попков—составили первый ряд ее. Случай соединил нас в одном строю, случай соединил наши судьбы и на дальнейшее,—мы шли плечом к плечу, ночевали бок о бок, где приведет случай, пили чай и ужинали всегда вместе, всегда дружно, всегда весело...

... Наша колонна движется на запад, куда именно—нам неизвестно. Глухо, через ровные и короткие промежутки времени, раздается все та же тяжелая поступь сотен ног. Перед нами—широкое шоссе, накатанное колесами машин до того, что в темноте, при свете щербатого месяца, оно кажется стальным.

Вдоль нашей колонны, в ту и другую сторону, двигаются грузовики, мотоциклы, фургоны, повозки.

... Под утро колонна свернула с главной магистрали. Прямо, на склоне большого холма, хвойный лес, окаймленный понизу редким можжевельником. Вокруг желтая щетина жнивья, с разбросанными кое-где неубранными крестцами тучных копен. В голубой дали—голая березовая роща. Идем неглубокой лощиной, по которой вьется каменистое русло высохшей речушки. Под ногами с хрустом ломаются срезанные стебли пшеницы, шуршат и тащатся за нами следом.

Слышится команда: «Стой!» Полтысячи ног замирают. Сразу становится тихо и пустынно. Затем одна за другой следуют

две команды: «Направо!..», «Стоять вольно...» Перед фронтом комиссар, коренастый мужчина, в кожаном пальто—инженер Строганов.

Он коротко объясняет военно-стратегическое значение возводимых вокруг Москвы оборонительных сооружений и в заключение говорит:

— Инженеры и техники, вперед!

* * *

Стоит трофейный семитонный грузовик—гигант, один борт у него откинут—несколько человек сбрасывают на землю железные лопаты; они падают со звоном и грохотом, быстро расходятся по рукам. Вокруг нас стоят люди, держа лопаты, как винтовки, на плечах; мы тоже вооружаемся ими, выбрав наиболее острые и крепко насаженные на ручку.

Тихон Захарович вынимает из кармана блокнот и пишет в алфавитном порядке наши фамилии. Затем, подняв глаза, спрашивает:

— Бригадир кто?

Мы в один голос отвечаем:

— Вы, Тихон Захарович, вы!

— Выходит, единогласно?—и выводит своим ровным, аккуратным почерком в конце списка: «Бригадир Т. З. Зобов».

Вырывает исписанный лист из блокнота и вручает его старшему бригадиру, невысокому худому человеку, с окладистой, словно приклеенной бородой.

Старший бригадир показывает наш участок, объясняет принцип работы и объявляет нашу рабочую норму: два кубометра вынутой земли в день на человека.

Наши соседи справа уже приступили к работе: слышно, как в землю со звоном вонзается железо, как глухо падает сбрасываемая с лопат земля.

Очертив границы предназначенной к «обработке» площади, мы приступаем к снятию дерна, а затем и к рытью «выемки».

Ваня так яростно начинает размахивать своей лопатой, что Тихону Захаровичу приходится несколько умерить его пыл:

— Пожалуйста, Ваня, без особого рвения, а то через полчаса высунешь язык. Спокойнее!

У Кирилла Петровича дело совсем не клеится: земля ссыпается с лопаты прежде, чем он успевает ее сбросить; то он не может всадить лопату в землю, то, всадив ее, не в силах вытащить; что ни бросок, обязательно своей лопатой зацепит за что-нибудь. Подхватив горсть земли, он несет ее с такой осторожностью и благоговением, словно это не земля, а святые дары. То и дело он плюет себе на руки, крякает, вздыхает... От усердия становится даже красным.

Тихон Захарович незаметно поглядывает на него, сочувственно покачивая головой. Наконец, не выдержав, говорит:

— Кирилл Петрович, вы меня извините... Разрешите мне дать вам совет.

— Да, пожалуйста, профессор! Очень прошу вас...—Кирилл Петрович с готовностью выпрямляется, достает большой, сильно накрахмаленный носовой платок и вытирает им со лба пот.—Очень...

— Прежде всего,—замечает Тихон Захарович,—держите лопату выше, а не под самую лопасть. Нельзя работать, согнувшись в три погибели. Завтра же у вас отнимется поясница. Что я буду с вами тогда делать? Вот смотрите!

Тихон Захарович упирает лопату с небольшим наклоном в землю, сильно нажимает ногой на один край ее, и лопата легко входит в грунт; затем делает сильный рывок ручкой на себя, и на широкой лопасти лопаты ровный пласт земли.

— Видите?..

Кирилл Петрович беспомощно моргает близорукими глазами.

— Вижу, вижу...—с тоской в голосе повторяет он.—Оказывается, быть землекопом не так-то просто.

— Ничего, научитесь! Наука нехитрая...—отвечает серьезно Тихон Захарович.—Смотрите сюда... Видите: на всю лопату один кусок земли... Не ссыпается, не падает... И легко сбрасывается...

Тихон Захарович в виде демонстрации далеко отбрасывает землю. Кирилл Петрович сокрушенно вздыхает.

— Нужно сказать, что лопаточка у вас не ахти! И где

это вы такую раздобыли? Как будто нарочно... Одна ручка чего стоит! Обязательно перемените.

Кирилл Петрович, предварительно поплевав на руки, принимается за работу. К общему нашему изумлению она быстро у него налаживается. Видя, что все за ним следят, он старается изо всех сил. Не проходит и получаса, как Кирилл Петрович очень размеренно, спокойно и с большим толком копает землю.

— Ну, как?—не без гордости и самодовольства спрашивает он нас.

— Отлично! Отлично!—говорим мы.

Кирилл Петрович смотрит на Тихона Захаровича.

— Только на руки напрасно плюете,—говорит Тихон Захарович,—мозоли вздуются.

Кирилл Петрович смотрит на ладони.

— Они уже вздулись...—с грустью говорит он, качая головой, и снова берется за лопату.

Лучше всех работает Кучуба, работает так, как будто всю жизнь он был землекопом. Пока все мы «входили в работу», приспособлялись и обучались, он уже успел нарыть целую кучу земли. Ваня как ни старался за ним угнаться—не мог. Кучуба работал легко, почти без напряжения. Еще приступая к работе, он снял с себя ватник и положил его в сторонку. Через час ему пришлось сбросить с себя пиджак и свитер и остаться в одной рубахе.

Точно так же поступил и Тихон Захарович, который работал, не уступая Кучубе.

Отрадно было смотреть на этих двух уже немолодых, но сильных, ловких, выносливых людей. Худой, жилистый профессор Зобов и широкоплечий, ладно сложенный метростроевец Кучуба, под рубахой которого шарами перекатывались мускулы,—оба они работали легко, как бы играючи. Их спокойная деловитость, расчетливость в работе,—все говорило за то, что они делают дело, которое считают самым нужным и важным сейчас: строят щит своей родной, любимой Москве.

В одиннадцать часов раздается протяжный автомобильный гудок—сигнал к обеду.

С трудом разгибая уставшие спины и тяжело переступая ногами, идем в ту сторону, куда устремляется поток людей с котелками, мисками, ложками.

Моем руки из большого пузатого чайника Кучубы и обедаем в палатке лежа. Едим с аппетитом, как никогда за всю жизнь. Руки липкие и пахнут смолою от ручек лопат.

Раздается тот же протяжный сигнал автомобиля—на работу!

Мы опять на своих местах и работаем до первых звезд.

Когда слышен сигнал «прекратить работу», Кирилл Петрович, выбравшись первым из ямы и величественно обводя глазами горы сырой земли, с облегчением говорит:

— Ну, поработали наславу! Норму перекрыли, верно, процентов на сто пятьдесят!

Тихон Захарович молча достает из кармана рулетку. Звенящая стальная полоска пробегает по одной стенке, затем по другой... Несколько быстрых отметок в блокноте, короткий расчет, и Тихон Захарович с явной иронией в голосе оповещает:

— Шестьдесят три и девять десятых процента общей нормы на бригаду.

Кирилл Петрович разводит руками:

— А я то думал... Мы так работали!

— Оказывается, не так уж важно...—заканчивает Тихон Захарович.

— Лиха беда—начало. Дальше пойдет...—замечает Кучуба.

* * *

Полночь. Все крепко спят, завернувшись в одеяла и зарывшись в солому.

В палатку докатывается лишь отдаленный гул артиллерийских залпов.

Осторожно, чтобы не разбудить моих товарищей, я освобождаюсь от влажного, пропахшего гарью и дымом одеяла и выбираюсь наружу.

Тихо. Скрипят лишь стволы угрюмых осенних деревьев. Проходит минута... вторая...

Я стою один, и мне кажется, что я вижу вокруг себя на тысячи километров бескрайние дали моей родины. Южное, слепящее своей яркостью море и вечную мерзлоту северной земли; снежные бури и метели и спокойствие голубых южных небес. Сколько городов и людей встает перед моими глазами и—опять мысленно возвращаюсь к Москве.

Москва!..

Я долго стою, окруженный скрипом качающихся стволов, неясным рокотаньем автомобильных моторов, нарастающим гулом орудийных выстрелов. Сажусь на источенный дождями камень, и воспоминания охватывают меня. Вспоминаю дом, книги, милых и близких мне людей...

О, как хорошо, как сладко любить родину!..

И вдруг передо мною возникает черная фигура. Смотрю—Ваня.

— Это я,—говорит он тихим шопотом, подходя вплотную.—Не помешаю?

— Нет. Садись,—предлагаю я, освобождая ему место рядом на камне.

Ваня садится.

— Стреляют,—говорит он.—Похоже—зенитки.

Временами, в перерывах между орудийными выстрелами, слышится какой-то звенящий звук, как от спущенной тетивы.

Ваня, задрав голову, смотрит на звездное небо.

— Немецкие самолеты...—говорит он все тем же тихим шопотом.—Летят на Москву...

Вслушиваемся теперь уже с тревогой. Стрельба орудий явственнее, ближе... Тонкий звенящий звук перешел в басовой. По гулу работающих моторов мы уже безошибочно научились отличать вражеские самолеты от наших. Гул, какой мы слышим сейчас—это гул немецких «Юнкерсов» или «Дорнье».

— Не разбудить ли наших?—спрашиваю я.

— Не стоит. Самолеты летят на Москву. Вот увидите.

Не раз в ночные вражеские налеты на Москву мне приходилось стоять на чердаке, у слухового окна, у ящика с песком, с лопатой в руках и следить за полетом немецких бомбардировщиков. Нередко они проносились над моим домом,

но никогда я не испытывал такого напряженного, такого тревожного чувства. Фугасные бомбы разрывались на моей улице, срывая крышу и высаживая рамы в доме, где я живу, но и тогда у меня было меньше обиды и боли, чем в эту минуту, когда я вижу, как проносятся надо мною вражеские самолеты к Москве. Волнение перехватывает мне дыхание.

Перевожу взгляд на Ваню. Он стоит, запрокинув голову, бледный, с плотно сжатыми губами.

— Вот видите?—чуть слышно говорит он, зябко стягивая у горла воротник фланелевой курточки.—Они полетели на Москву.

Самолеты пролетели. Завывающий гул стих. Стоим, боясь сказать друг другу слово...

Через полчаса возникает новый гул на западе и тоже вскоре стихает... Проходит еще полчаса—и снова... Снова... Мы насчитываем шесть «волн».

И вот,—не слышно уже орудийных залпов, полная тишина.

Молча входим в палатку, нащупываем свои постели, ложимся, плотно завернувшись в одеяла, но долго не можем заснуть.

А когда сон смыкает глаза, я вижу Москву...

* * *

Большая группа военных и наш старший инженер Строганов осматривали проделанную нами работу. Можно было видеть по их лицам—они довольны. Я прошел сегодня вдоль всей лощины и увидел, как много уже сделано!

Особенно отличилась одна бригада: при норме в два кубометра на человека в день она дала три кубометра. Как я узнал, эта бригада состоит из студентов московских вузов. Сейчас они уже почти закончили рытье одной волчьей ямы.

Все втянулись в работу, сделались заправскими землекопами (даже Кирилл Петрович). Однако, чем глубже мы уходим в землю, тем труднее работа. Чтобы сбросить с лопаты землю, приходится делать большой размах и вытягиваться. Чтобы не

осыпалась земля, стенки приходится крепить досками и бревнами. На это уходит много времени и энергии. Земля на дне ямы сырая, тяжелая. Комья липнут к лопатам—их трудно сбросить. А выбрасывать их теперь надо на высоту человеческого роста, причем так, чтобы земля не ссыпалась при взмахе и падала далеко от края ямы.

Лопаты, натертые песком, стали блестящими. Острые, как ножи, они врезаются в землю. Из-под ног выступает ржавая вода. Тяжелые комья глухо падают над головою. Дыхание работающих порывистое, сильное. Вот лопата стукнулась о камень. Вот кто-то в сердцах сплюнул. Вот заскрипели деревянные упоры. Кое-кто перекинется двумя-тремя словами, но так, между делом, не переставая работать, хотя уже ломит в плечах, болит шея и вот-вот, кажется, пальцы сами разожмутся и выпустят лопату.

* * *

Погожий, яркий день. Солнце, по-осеннему холодное, светит, как никогда за последние дни. Все веселы, оживлены, работа спорится.

На колхозных полях заканчивают рыть картофель. «Сивки» и «Буланки», мотая головами, с трудом тянут тяжелые возы. Возницы—чаще всего девушки и мальчуганы. Размахивая кнутами и громко щелкая языком, они старательно погоняют своих равнодушных, не желающих торопиться лошадок. Девушки, качаясь на возах, весело перекидываются со строителями шутками.

— Погодите!—кричит одна, голубоглазая, светловолосая, восседая на серых мешках, как на троне; в одной руке у нее краюха хлеба, в другой кнут, она широко улыбается, щуря глаза от солнца.—Погодите, вот перекопаем картошку, придем помогать вам—тогда враз все построим!

— Скорей бы, а то без вас никак не управимся! Ждем, приходите!—летит ей вдогонку.

Но воз проехал дальше, и девушка что-то кричит уже другим. Слышится раскатистый смех.

Едет следующий воз. На нем—опять девушка. Она в новом, яркой расцветки, полушалке, который так идет к ее нежному

молодому лицу. Выбившиеся из-под полушалка светлые волосы развеваются по ветру, сверкая на висках золотистыми нитями.

К двенадцати часам солнце заметно начинает припекать. Мы радуемся теплу—осенние хорошие дни так редки!..

Наша бригада сейчас занята тем, что сравнивает выброшенную из ямы землю с нетронутой поверхностью почвы. Эта работа кажется нам совсем легкой после той, что мы делали раньше. Раскидываем землю широким разворотом всего корпуса, она разлетается вокруг нас большим веером. Вдруг Кирилл Петрович настораживается.

— Летят!—вытянув шею, говорит он.—Слышите?..

Рокот моторов явственнее.

Тихон Захарович, не выпуская из рук лопату, окидывает взглядом золотистый горизонт и опять сейчас же принимается за работу. Так же спокойно и усердно работают и другие. Только Кирилл Петрович ежесекундно смотрит то в одну сторону, то в другую.

И вдруг далекий рокот моторов сразу переходит в оглушительный рев. По земле ползет чудовищная тень, покрывая собою черные бугры выброшенной на поверхность земли, ямы, людей, русло высохшей речушки, часть холма. На одну тень падает другая, третья...

Зенитные орудия открывают огонь.

Бомбардировщики разворачиваются для захода на цель.

Никто из нас не двинулся с места—как стояли, так и остались стоять. Я посмотрел вокруг—все то же!—ни один человек не ушел, не бросился бежать. Все чего-то ждут, тревожно и напряженно.

Я отчетливо вижу над правым краем укреплений несколько самолетов, слышу сдавленную команду Тихона Захаровича:

— Ложись!..

И только успеваю лечь на живот, как небо точно разламывается над моей головой—раздается неистовый удар. Приподнимаю голову и вижу: фонтаном брызнула земля. Черный смерч взметнулся вверх и с протяжным шумом осел. Раскат взрыва громоподобно покатился по лощине, я почувствовал несколько сильных толчков земли. За первым ударом последовал второй.

Опять высоким веером поднялась земля, посыпались камни. Третий взрыв фугасной бомбы...

Я вижу, как в испуге мечутся по полю девушки и дети, не зная, куда деваться. Кучуба, приподнявшись на локте, кричит во всю силу своих легких:

— Ложитесь!..

Но они ничего не слышат.

Я вижу, как с телеги соскочил маленький, юркий старик, с растрепанной рыжей бородой и подбежал к лошади, пытаясь схватить ее за узду. Лошадь забрасывает морду, бьет задними ногами, пронзительно ржет. Старик, размахивая кулаком, кричит на нее, но она, дрожа всем телом, шарахается из стороны в сторону, рвется вперед. Слышно, как трещат оглобли, гремят колеса. С нескольких сторон к старику бегут на помощь...

Я приподнялся, чтобы тоже кинуться. Но—снова разрыв бомбы—шестой по счету. Тьма застлала мне глаза, мокрая холодная земля облепила мое лицо. Я рухнул на кучу рыхлой земли, руки мои зарылись в ней по локоть. Слышу голос Тихона Захаровича:

— Живы?..

В ответ ему доносится пискливый голос Кирилла Петровича:

— Что касается меня, то я жив!

— Не вставайте!—кричит ему Тихон Петрович.—Бомбежка еще не кончилась.

И верно: вслед за его словами слышится новый взрыв, теперь уже за речушкой, в овраге.

Я рукавом стираю с лица землю, поднимаю голову. Старик, пытавшийся остановить лошадь, повален на землю, а лошадь бешено скачет в сторону укреплений. За ней бегут люди, размахивая руками и что-то крича...

Телега, накренившись на один бок, подпрыгивает на кочках и рытвинах, дребезжит, стонет. Лошадь, обезумев, мчится прямо в одну из готовых волчьих ям и проваливается в нее вместе с телегой.

Мельком улавливаю, что фашистские самолеты под обстрелом зениток повернули назад и теперь, бросая где придется бомбы, набирают высоту, держа курс на запад.

К лошади отовсюду бегут люди: строители укреплений, колхозники, саперы. Мы поднимаемся на ноги, поспешно отряхивая с себя комья прилипшей глины, и выжидающе смотрим на Тихона Захаровича. Он угадывает наше желание.

— Идемте, но быстро.

Подходим к яме, заглядываем в нее и с чувством большой боли и жалости отворачиваемся. У лошади переломлены передние ноги, она лежит грудью вниз, вытянув худую, жилистую шею. Голова повернута набок, виден только один большой янтарный глаз, полный мольбы и застывшего ужаса. Круп придавлен телегой, и лошадь не может сделать ни одного движения. Она только тяжело и жалобно стонет...

Посмотрев вниз, люди молча отходят. Большинство возвращается к оставленной работе, некоторые стоят, опустив голову.

Старик с рыжей спутанной бородой, который бил лошадь кулаком, теперь со слезами на глазах смотрит на нее.

Я вижу здесь тех девушек, которые ехали утром на возах и так хорошо, ласково нам улыбались,—сейчас они грустные, испуганные, одна украдкой тихо всхлипывает.

— У лошади перебиты голени. Придется пристрелить!—слышится чей-то твердый и громкий голос.

— А выходить нельзя?—с надеждой в голосе спрашивает старик, беспомощно моргая мокрыми веками.

— Нет, нельзя.

— Стреляйте!—вскрикивает старик, закрывая рукой голову, точно от удара. Сгорбившись, он поспешно отходит в сторону.

Я слышу его приглушенные всхлипывания. Все молча расходятся.

Через четверть часа мимо нас на двух длинных жердях саперы проносят мертвую лошадь—единственную жертву налета. Голова ее волочится по земле, а перебитые ноги болтаются, точно плети.

Мы отворачиваемся...

* * *

Низкие облака неслись над искромсанной, зияющей черными ранами, землей; желтую грудь ее рассек сильный прямой

удар—черный большой шрам тянулся с одного конца на другой, исчезая где-то в тумане, за горизонтом. Боль и жгучая обида защемили сердце. Земля! Наша земля!.. Еще недавно тебя покрывали тучные злаки,—вон они еще и сейчас стоят в копнах и ждут, когда будут свезены в амбары. Все вокруг было усыпано цветами и сочными травами. Шумные ватаги детей бегали по этим холмам и откосам, а в перелесках и рощах девушки собирали землянику и грибы. Как живо, как ярко возникает все это перед моими глазами! Я вижу скрипучие телеги, нагруженные тяжелыми снопами, медленно ползущие на холм, востроглазых ребятишек с удочками и лукошками, девушек с цветами... И вдруг эти поля и нивы исполосуют, истопчут, раскромсают стальные гусеницы немецких танков, тягачей, орудий... Они пойдут по тебе, московская земля! Моя земля... О, нет,—говорю я себе,—этого не будет, не будет!..

Сейчас вокруг, насколько хватает глаз, работают люди; взлетает и падает земля, лопаты мелькают, как крылья птиц, легкий ветер несет волокна злаков и трав. Рядом со мной, словно ключ, кипит черная масса земли.

В своем горячем, негодующем кипении она заливает лощину, чтобы преградить путь нашествию еще невидимого, но уже близкого к ней врага... Поднимается вал за валом, и лощина, еще неделю назад ласкавшая взгляд нежно блеклой своей желтизной, сейчас стала черной, суровой.

МОСКВИЧ

Он кровно связан
с матерью-Москвой.
Он предан ей, как сын,
до основанья.
Он не оставит
дивный город свой
В суровый час
большого испытанья.
Его не запугаешь
никогда
Ни бомбами,
ни вражеской брехнею.
Столицу счастья,
мира
и труда
Он одевает
грозною бронею.
Он роет рвы
на подступах к Москве,
Возводит надолбы,
возносит баррикады
С единственною мыслью
в голове:
— Не проползут!
Не просочатся гады!
Он с острой киркой,
с топором,
С гремучим молотом,
с тяжелою лопатой,
С походной песней,
с ломом и пером,

С винтовкой,
пулеметом
и гранатой.
— Пусть гром вокруг,
пусть пламень в небесах—
Москва моя!
Москве не быть в полоне!

* * *

Так говорит москвич,
стоящий на часах!
Так говорит москвич,
готовый к обороне!

НОЧЬ НА БАТАРЕЕ

От батареи до Москвы не более тридцати километров. Облака мчатся низко, за первым слоем есть вторые, дальше—третьи. Воздушному патрулю трудно будет этой ночью доглядеть врага.

Слухачи непрерывно сторожат, нацелившись в небосвод жерлами громадных железных ушей.

Возле орудия комсомолец Погодин делится с товарищами своей мечтой. Павлу Погодину хочется так усовершенствовать свое орудие, чтобы оно никогда не било наощупь, а только прямо по цели. Ни одного напрасного снаряда.

— Ведь вот же водят корабли в океанах,—задумчиво рассуждает Погодин.—Кругом только море да небо, а точно знают, где плывут—точка в точку. Так и нам надо знать: высоту, ширину, направление, чтобы бить точно, чтобы раз...—и с катушек долой.

— Да как же это? Как ты это сделаешь?—с интересом спрашивает комсомольца старый кадровый зенитчик Михайло Васильевич Антонов.

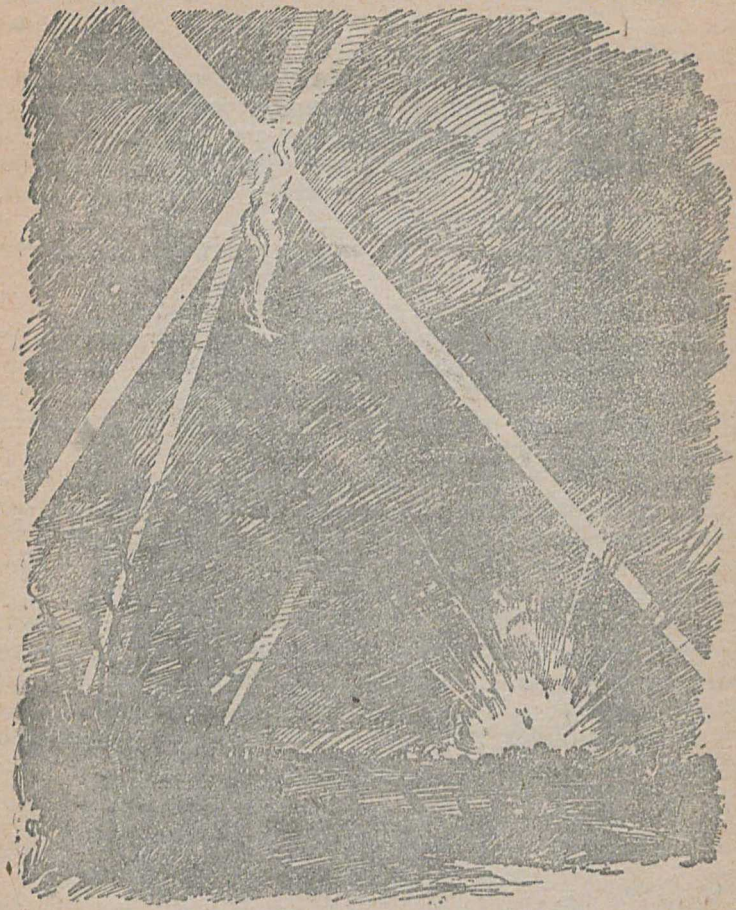
— Радио должно пеленговать, вот как,—соображает Погодин.—Понимаешь? Надо устроить такой радиоискатель. Поставил его и смотри: одна стрелка глубину показывает, другая—ширину, третья—направление. Тридцать секунд прошло—вновь замерь врага: узнаешь и скорость. Ну, а тогда и пали, как в аптеке.

— Хорошо придумано!—мечтательно говорит старый зенитчик.

Неподалеку, в левой стороне, вспыхивает громаднейшая зарница; грохот доносится чуть позже: немец сбросил где-то очень близко, почти рядом, фугасные бомбы. Там, влево, враг, и бьют соседи.

— Приготовиться!—раздается команда сержанта Ракитникова.

Расчет в полном порядке. Михайло Васильевич Антонов даже руки положил на свое орудие: он жаждет огня. На лице у него



«...стервятник схвачен крестом лучей».

задор—это неостывшая юность,-это страсть боя, это гнев патриота.

Комсомолец между тем думает, что теперь бы его пеленгатор очень помог. Ему хочется, чтоб каждое наше орудие и каждая наша бомба не знали промахов.

— Почему не начинаем?—спрашивает комсомолец у сержанта.

— А мы сегодня пробуем новенький оборот,—не волнуясь и не спеша поясняет Ракитников.—Мы его захватим кольцом. Пусть только летит на нас. А мы помолчим. Его на тишину как раз и потянет, а мы его всей батареей в кольцо—понимаешь?

— Здорово!—восклицает Погодин.

— Как в аптеке!—повторяет сержант любимое выражение комсомольца.

Расчет батареи оказывается правильным.

Немецкие самолеты летят на батарею. Орудия молчат, прожектора давно уже потушены, низкие облака захлебываются гулом вражьих машин. На батарее делаются последние расчеты, подается команда по орудиям и... вот внезапно раздается потрясающий грохот залпа.

Один, другой, третий—завеса расположена кольцом. Прожектора стаей бросаются в центр, откуда слышен гул мотора.

Враг растерялся, вокруг него рвутся снаряды, прожектора подбираются к его горлу. Вот последнее мгновение,—и стервятник схвачен крестом лучей.

Теперь—точка... Снаряд вспыхивает, как звезда, у самого носа стервятника, огонь охватывает всю его машину. Пламенная комета стремглав падает на землю.

Это «Хейнкель».

— В Москву въезд запрещен,—улыбаясь, говорит довольный наводчик.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Октябрьская полночь сыра и сера.
Ни закурить. Ни разжечь костра.
В лесу, где дорога, где мост и ручей,
В засаду залег батальон москвичей.

Навстречу опасности, с фронта труда,
Пришли эти русские люди сюда,
Чтоб в полночь беззвездную, в первом бою
Сразиться с врагом за столицу свою.

Бутылки с бензином и связки гранат.
Двенадцать ровесников рядом лежат.
Двенадцать парней с одного двора—
Прославленных наших цехов мастера.

Грохочет металл. Проступают из мглы
Коротких орудий литые стволы.
И первого танка широкая грудь
Раздвинула плотную серую муть.

Рвет нервы скрежещущих гусениц крик.
Но каждый подросток к металлу привык.
Навстречу железному лязгу летят
Бутылки с бензином и связки гранат.

Гремели орудия ночь напролет,
Неровную строчку строчил пулемет.

Ходили в атаку в раскатах «ура»
Двенадцать парней с одного двора.

Когда от стрельбы раскалились стволы,
Ракеты взлетели над пологом мглы.
В лесу, где дорога, где мост и ручей,
Атаку отбил батальон москвичей.

Р. Бобков

НА КРЫШЕ

Наш пост воздушного наблюдения—в центре Москвы.

С крыши многоэтажного дома нам виден весь город, с бесконечным разветвлением улиц и переулков, со своими новыми, такими ослепительно светлыми на солнце домами, с далеким горизонтом окраин. Вот, рядом с нами, Кремль, Кремлевские башни; вот Большой театр, над его колоннадой четыре взметнувшихся ввысь бронзовых коня, запряженных в колесницу Аполлона; вот Красная площадь, витые купола древнего русского храма Василия Блаженного, построенного еще Иоанном Грозным; вот Кремлевская стена, у подножья которой лежат лучшие сыны родины—славные коммунары; вот мавзолей великого Ленина,—все самое дорогое и близкое сердцу советского человека.

Воет сирена. Мы видим, как улицами и переулками деловито идут люди: одни в метрополитен, другие в бомбоубежище. Сирена стихла—улицы опустели. Город замер, он словно затаил дыхание в ожидании врага. Где-то отдаленно рокочут моторы самолетов. Мы напряженно вслушиваемся, стараясь определить направление. Проходят минуты, часы... Рокот моторов стихает... Раздается спокойный голос диктора: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!..»

Врагу снова—в который раз—не удалось прорваться к Москве... Мы расходимся, чтобы завтра, а может быть, сегодня вечером или ночью, а возможно, и через час опять быть на крыше своего дома.

И когда в ночь на 22 июля раздался протяжный вой сирены, мы, одетые в брезентовые плащи и рукавицы, кто с лопатой, кто с клещами, быстро поднялись на свой пост, готовые к встрече с врагом.

В наше звено воздушного наблюдения входят трое: Олег Астахов, курсант летной школы, девятнадцатилетний юноша, Ваня Бобров, ученик 86-й школы, и я. На нашей обязанности лежит наблюдение за воздухом и за падением зажигательных бомб на дом.

Начальник нашей добровольческой пожарной дружины Михаил Николаевич Исаев, плотный, широкоплечий мужчина, полный энергии, расставил остальных дежурных по постам. Троих — на чердаке, возле кадок с водою и мешков с песком, и троих на площадке верхней лестничной клетки. Связь между звеньями Исаев взял на себя.

...С крыши мы видим темные, кучевые облака, идущие с запада. Несомненно враг должен появиться с этой стороны! Но первый белый огонек вспыхивает в противоположной стороне. За первым—второй, третий... И вот уже огневая завеса повисла над городом—зенитчики преграждают врагу путь к Москве.

Разрывы снарядов приближаются к нам—они почти над нашими головами. Несмотря на грохот, слышится отчетливое гудение самолета.

С крыши соседнего дома одна за другой взлетают ярко-красные искры—это трассирующие пули, они дают ориентир зенитной артиллерии.

Гул самолета неожиданно стихает.

— Пикирует!—кричит Олег.

Мы видим, как из-за облака вынырнул бомбардировщик и камнем стал падать на город. И сейчас же раздался тяжелый удар, взметнулось пламя.

Взрывная волна от сброшенной недалеко фугасной бомбы сотрясает весь дом. Нас оглушает гул мотора—это бомбардировщик вышел из пике и теперь, разворачиваясь, набирает высоту. И тут же на крышу со свистом падают одна за другой четыре зажигательные бомбы. Одна, ударившись о дымоходную трубу и прочертив в воздухе светящуюся спираль, исчезла в темном провале улицы; другая, зацепившись стабилизатором за косяк крыши, повисла на нем; третья застряла в жолобе, а четвертая, пробив крышу, провалилась на чердак.

Взрыв, удар воздушной волны, падение бомб—все это произошло в одно мгновение. Олег багром зацепил повисшую на косяке горящую бомбу и сбросил ее на мостовую. Мы—Ваня и я—кинулись с лопатой к той, что застряла в жолобе, с тем же намерением, что и Олег. Но жолоб мешал нам под-

хватить бомбу, она несколько раз соскальзывала с лопаты и падала на прежнее место.

Олег пришел нам на помощь; бросив на бомбу два небольших мешка с песком, он временно притушил ее. Мы этим воспользовались. Бомба полетела на мостовую...

На том месте, где бомба пробила крышу, поднимался багровый столб дыма. Слышится глухой голос Михаила Николаевича: «Сюда гидропульт! Песок!..»

Олег скомандовал:

— На чердак!—и тут же исчез в слуховом окне.

Ваня бросился следом за ним. Спрыгнув с крутой лесенки на песок, перескакивая через деревянные перекрытия, мы побежали в сторону горящей бомбы. Здесь уже было несколько человек: бомба упала в дальний угол чердака и, пока к ней успели подбежать, сильно разгорелась.

Но вот со всех сторон на горящую бомбу посыпался с коротким сухим треском песок. Как бы сжимаясь, она затихла, чтобы снова, сквозь песчаную подушку, вырваться наружу. Но теперь это один небольшой язычок пламени, и пламя не мертвенно-белое, как раньше, а красное. И даже когда бомба засыпана песком, она все еще продолжает дышать, ее судорожная смерть длится несколько минут. Мы бросаем еще несколько лопат песка, торопясь прекратить ее агонию.

Олег спешит на свой пост. Вот с шумом раскрылось слуховое окно; на одно мгновение юноша заслонил собою синий просвет неба и—исчез. Прогибаясь, гулко заскрежетало под его ногами железо.

— По местам!—коротко бросил Михаил Николаевич. Но не успели мы сделать и шагу, как раздался громкий голос Олега:

— Направление—на наш дом!

Действительно, где-то гудит самолет. Гул ближе, отчетливее... Зенитки бьют у нашего дома. В рамах дребезжат стекла, на крышу падают осколки снарядов. И вдруг гул самолета затихает. Зенитки, как бы стараясь опередить друг друга, открывают тревожный, настойчивый огонь. Мы стоим, прижавшись к дымоходной трубе, кромешная тьма окружает нас.

И вот в эту тьму, ударившись о железо, врываются зажига-

тельные бомбы. В первое мгновение кажется, что их очень много, может быть, пятнадцать—двадцать,—все горит, все озарено мертвенно-бледным отсветом. Но это—только первое мгновение. Через несколько секунд глаза привыкают к их слепящему свету и уже различают дымящиеся очаги.

Я бросаюсь к ближайшей бомбе. Закрыв лицо рукавицей, стараюсь схватить ее клещами. Дважды она вырывается из тисков и падает на песок. Искры прожигают мне одежду, рукавицы. Наконец,—бомба в кадке с водою. Вода бурлит, переливается через край. Я бегу к Ване помочь ему.

...Через несколько минут нас снова обступает тьма. Все молчат. Волнение ли мешает говорить, или каждый хочет уловить приближение новой опасности?..

Тишину нарушает громкий голос Олега:

— Горит школа!..

Михаил Николаевич приказывает Ване и мне оказать помощь школьной дружине. Схватив топоры и лопаты, мы сбегаем с лестницы. Нас догоняет Олег.

— Упросил Михаила Николаевича отпустить и меня!—на бегу, волнуясь, говорит он.—Ведь это моя школа, я в ней учился.

Чтобы сократить расстояние, мы перелезаем через забор и бежим двором к зданию школы.

Двое школьников тянут по земле шланг. Завидев Олега, они еще издали кричат ему:

— Сюда! Сюда! Огонь в этой стороне!

Олег, не раздумывая, бросается к пожарной лестнице и быстро взбирается по ней. Через несколько минут он сбрасывает нам с крыши канат. Мы прикрепляем к нему шланг, который Олег быстро поднимает наверх.

Снизу видно, как к огненному языку приближается темная фигура. Сильная водяная струя начинает сбивать огонь. Поднимаются едкие клубы черного дыма...

...И вот уже рассвет. Из голубой дымки вырисовываются знакомые очертания родного города. Все так же светлы корпуса новых домов, все так же величественно-спокойны Кремлевские башни, увенчанные пятиконечными звездами—символом нашей свободы.

Ц. Солодарь

БАТАЛЬОНЫ МОСКВИЧЕЙ

Лег тяжелый туман на сады и леса Подмосковья
И дорогу укрыл от несмелых осенних лучей.
Каждый взгляд, каждый дом, каждый куст провожает с любовью
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей.

Что ни видишь вокруг—все московское, наше, родное!
И бетон корпусов, и холодный багрянец листвы,
И улыбки—в сердцах батальоны уносят с собою,
Как привет, как тепло, как напутствие нашей Москвы.

Этот путь меж берез, что извилистой лентой светлеет,
Помнят с самого детства, как взгляд материнских очей,
И студент-комсомолец, и кряжистый красногвардеец—
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей.

Но вот это шоссе, что сейчас серебрится в тумане,
Что покорно звенит под ударами мерных шагов,
Да, вот это шоссе ощетинится, вздыбится, встанет,
Вспыхнет лавой огня под ногами заклятых врагов.

И вот эти леса, и разъезды, и тихие дачи,
И лежащие под проводами большие луга—
Если враг подойдет—силу ярости гневной, горячей,
Пламя мести священной обрушат они на врага!

За пожары, за трупы, за стоны, за кровь, за мученье
И за детские слезы в тревоге бессонных ночей...
Будет грозной расплата! Порукой тому—ополченье,
Батальоны идущих на Западный фронт москвичей.

ПОЕДИНОК

Лейтенант Фридман шел на высоте семи тысяч метров. Вдалеке, в дымке, лежала столица великой страны. По пути встречались сероватые разорванные облачка. Барраж подходил к концу. Еще тридцать минут, и воздушный караул будет сменен. Огибая ориентиры своего участка, лейтенант увидел на серо-голубом небе белую, зигзагообразную линию, след самолета, прочерченный в морозном воздухе. Это мог быть и свой, но мог быть и фашист. Недолго размышляя, лейтенант повел свой самолет вперед. Плотные, густые облака встали на его пути. Лейтенант вошел в них и, найдя в гуще облаков окно, вдруг сделал стремительную «горку». Сделал он это потому, что в это же самое окно, но только с противоположной стороны, влетел большой двухмоторный, двухкилевой самолет.

Это было столь неожиданно для обоих самолетов, что они едва не столкнулись, и только резкая «горка» Фридмана спасла его от гибели. Встреча была секундной, однако лейтенант отчетливо увидел на светло-голубом фоне плоскостей самолета большую белую свастику, обведенную желтой каймой. Сомнений не было: вражеский самолет «Дорнье-215» шел на Москву.

Догнать, не допустить, уничтожить! И, дав газ, лейтенант нагнал шедший на большой скорости «Дорнье». На высоте семи с половиною тысяч метров, на расстоянии тридцати-сорока километров от Москвы, разыгрался воздушный бой между советским «МИГом» и «Дорнье», который вел сорокалетний подполковник Густав фон-Летцов.

Немецкие пулеметы открыли огонь с расстояния четырехсот метров. Струя свинца прошла над откинутым козырьком Фридмана, обдавая воздухом распаленное лицо лейтенанта.

«МИГ» нагонял врага, и когда «Дорнье», уходя от наседавшего противника, отвернул влево, Фридман нырнул под хвост «Дорнье». Только теперь, идя впритирку к нему, лейтенант дал первую и очень долгую очередь по врагу. «Дорнье» качнулся. Внезапно его окутали черные удушливые клубы дыма. Не отры-

«МИГ» нагонял врага».

вавшийся от хвоста врага Фридман почувствовал головокружение. Он резко отвернулся и глотнул свежего воздуха. Впереди, в лучах октябрьского солнца, сверкал уходивший вперед самолет врага. Фридман снова дал газ и, уже зная коварный и опасный прием врага, взлетел над ним и, нагоняя его, открыл сверху огонь по «Дорнье». Но и фашист, маневрируя и уходя от огня лейтенанта, в свою очередь открыл стрельбу.

Самолеты разошлись, но «МИГ» Фридмана, сделав переворот через крыло, сейчас же снова вырос сбоку у «Дорнье» и прошил его короткой, но точной очередью. Фашист рванулся вперед, и вдруг, потеряв управление, рухнул вниз. Дым стлался по его плоскостям. «Дорнье» падал, но летевший над ним Фридман видел, вернее чувствовал, что падение самолета было неестественно и странно. Какой-то расчет, маневренность и управление чувствовались в нем. Не сводя глаз с падавшего врага, Фридман летел над ним, и, когда до земли оставалось не больше шестидесяти метров, «Дорнье» неожиданно сделал «горку» и высоко взмыл кверху. Его плоскости уже не дымили, и только скорость была несколько заторможенной и неточной. И все-таки фашист держал путь к Москве. Лейтенант снова, уже в третий раз, заходя навстречу врагу, пошел в лобовую атаку. Немцы не стреляли.

Это была грозная, смертельная, таранная схватка. Такая, в которой гибнут обе стороны, размозженные чудовищной силой столкнувшихся машин. Немецкий самолет был уже в тридцати метрах от пропеллера «МИГа». Вдруг «Дорнье» отвернул, и Фридман, уже готовый к смерти, пронесся над ним. И снова над сосновыми лесами и ровными полями Подмосковья продолжался воздушный бой. «МИГ» опять нагнал врага и повис над ним, расстреливая его последними зарядами боезапаса...

«Дорнье» дрогнул, рванулся и, выбирая место для посадки, начал снижаться. «МИГ» шел над ним, дожимая к земле врага, потерявшего волю к победе.

Внизу бежали люди. Фридман ясно различал красноармейцев, бойцов истребительного батальона, конных, скакавших к месту посадки «Дорнье». Экипаж фашистского самолета под командой Густава фон-Летцов, кавалера двух железных крестов и медали «За Нарвик», сдался в плен.

А. Сурков

ВРАГИ НЕ ПРОЙДУТ К МОСКВЕ

Мы вышли на бой беспощадный и правый:
Враг к сердцу страны идет.
И в памяти нашей, суровый, кровавый,
Встает девятнадцатый год.
Сурового года геройские были
Нетленны в народной молве.
Мы грудью столицу свою прикрыли—
Враги не пройдут к Москве!

За каждый заложенный в стройку камень,
За каждый дом и завод,
За мир, возведенный своими руками,
Сражается наш народ.
Своих эскадрилий орлиные крылья
Народ распростер в синеве.
Мы грудью столицу свою прикрыли—
Враги не пройдут к Москве!

В сердцах наших зреет одна забота—
Москвы рубежи близки!
В огне в контратаки идет пехота,
К винтовкам примкнув штыки.
Тяжелые танки пути проторили
По мокрой от крови траве.
Мы грудью столицу свою прикрыли—
Враги не пройдут к Москве!

Сквозь черные тучи военного дыма
Мы шагом идем молодым.
За сердце отчизны, за город родимый
Мы жизни свои отдадим.
Великого года геройские были
Не смолкнут в народной молве.
Мы грудью отчизну свою прикрыли—
Враги не пройдут к Москве!

О. Курганов

СТОЙКОСТЬ

С вечера немцы обстреливали село Покровку из минометов. Туман начал рассеиваться. Из маленького сельского домика, где разместился командный пункт, изредка выходил высокий и коренастый Андрей Вилюков. Мины посвистывали за околицей, осколки долетали до плетня, где спрятались наши противотанковые орудия. Старший лейтенант Вилюков стоял у покосившегося крыльца, видел уже привычные пунктиры войны, очерчивавшие горизонт,—факелы пожаров то усиливались, то стихали, но неизменно небо оставалось багровым.

Близился рассвет, и неясные очертания домов возникали во мгле. Село вытянулось вдоль поляны. Узкая проселочная дорога, ухабистая, затвердевшая и заметенная мелким снегом, начиналась у леса и вдали соединялась с Волоколамским шоссе. Туда, к асфальтированной глади, пытались пробиться враги. Две танковые колонны немцев двигались к шоссе, ведущему в Москву. Одну колонну обязаны были задержать у села Покровки бойцы старшего лейтенанта Андрея Вилюкова. Село, таким образом, превращалось в своеобразный заслон, который должен был преградить путь фашистским танкам и пехоте. Тем временем к шоссе подойдет новая танковая часть, только что сформированная и оснащенная английскими танками.

Два дня и две ночи не стихал бой у села. Бойцы не покидали рубеж и наносили врагу удар за ударом—то внезапными контратаками, то шквальным огнем артиллерии. Уже третий рассвет встречали они в окопах, не смыкая глаз. Молодой политрук Василий Захаров иногда начинал дремать, прислонившись к ящику телефонного аппарата, но тонкое завывание гудка заставляло его вздрагивать. Из штаба задавали обычно один вопрос:

— Как дела?

— Держимся,—отвечал Вилюков.

Трижды немцы пытались стремительной атакой овладеть селом и трижды они возвращались к исходному положению. Сперва

вражеская танковая разведка наткнулась на сильный орудийный огонь и, оставив три подбитые машины, вернулась к лесу за пригорком, где концентрировались немецкие войска. Затем к селу поползли пять десятков танков, образуя на поляне большую стальную руку,—пять танковых колонн подбиралось к нашим окопам. Но две головные машины наткнулись на минированное поле, воспламенились. Наступило мгновенное замешательство. Противотанковые орудия открыли меткий огонь, и танковая атака вновь была отбита. И, наконец, перед вечером, немцы бросили к селу два батальона пехоты, которые шли за танками, двигавшимися ровной фронтовой линией в одну шеренгу. Вилюков призвал на помощь артиллеристов-соседей и минометчиков, которые отразили и третью атаку.

Маленькая поляна, простиравшаяся за селом и разделявшая советские и фашистские окопы, была уже усеяна сотнями немецких трупов, горящими танками и взорванными автомобилями. Немцы хотели обойти село, но были встречены танкистами Константина Малыгина. Утром враги затихли, словно они и не собирались больше двигаться к Волоколамскому шоссе. Вилюков доложил в штаб о затишье.

— Пошлите разведку,—посоветовали из штаба.—Подозрительное затишье,—что-то они замышляют.

Вскоре вернулся из окопов Василий Захаров. Тулуп его был расстегнут, хотя ветер был холодный и острый. Политрук как-то осунулся. Он тихо сказал:

— Мина взорвалась у пулеметчиков. Убит Мальков.

Красноармеец Федор Мальков славился своей храбростью, силой воли и веселым нравом. Не раз он подбодрял людей, не раз его пулемет скашивал шеренги немецкой пехоты.

Минометный огонь усиливался; немцы, должно быть, решили пробить себе путь к шоссе оружием, которым они лучше всего владеют,—минами. Перед вечером старший лейтенант послал в разведку Матвея Сизова и Николая Гурьянова, двух находчивых и смелых красноармейцев, уже бывавших у вражеских окопов. Сам он с Захаровым пополз к передовой линии. В окопах люди сидели настороженные, молчаливые. Лица сосредоточенные, суровые. Бойцы рассуждали просто и ясно: им приказали дер-

жать село, и они не отступят, пока живы или пока не придет другой приказ.

— Ну как, жмет?—спросил политрук у гранатометчика.

Тот кивнул головой и ответил:

— Жмет, здорово жмет,—к Москве рвется. Ясное дело...

Всю ночь немцы обстреливали окопы, село, поляну. Всю ночь ни на миг не стихал артиллерийский огонь и наших батарей. В тылу у немцев возникали новые пожары; пылающие села, обозы и машины издали сливались в сплошное зарево, застилающее горизонт. Всю ночь Андрей Вилюков сидел в окопе и ждал возвращения разведки. На рассвете к избушке подполз Николай Гурьянов. Шустрый дежурный подбежал к нему. Гурьянов встал на колени и властно сказал:

— Давай командира... Где командир?

— Ушел вперед командир.... Говори, что слышно, где Сизов.

— Давай командира... Из-под земли доставай...

Теперь только дежурный увидел, что Гурьянов ранен. У него были перебиты ноги, кровь стекала по лицу. Гурьянов лег и начал жадно глотать снег, который мгновенно стал красным. Разведчик заскрипел зубами и снова потребовал:

— Давай командира.... Что ты стоишь?

Дежурный уже звал санитара, а вестового послал искать Вилюкова. Гурьянов отстранил двух санитаров, пытавшихся его поднять, и прошептал им:

— Ползите вперед... За бугром лежит раненый Сизов... Не дотащил... Спасайте.

Санитары гуськом поползли к бугру, но уже наступил рассвет, их заметили. Плотно прижавшись к земле, санитары спокойно продолжали свой путь. Сперва к Сизову подполз один из них. Разведчик потерял сознание и бормотал что-то бессвязное. Санитар Федор Безбородко положил его на плащ-палатку и потащил за собой. В эту минуту Федора ранили. Теперь второму санитару (фамилия его осталась неизвестной) под страшным огнем пришлось тащить двух раненых. У командного пункта, где ждал фельдшер, обнаружилось, что Матвей Сизов уже мертв.

Тем временем перевязали Николая Гурьянова, у него оказалось три раны. Он сказал командиру о своих наблюдениях.

Немцы собрали в лесу много танков, он подсчитал—их больше сотни. Там много и пехоты, до полка. «К вечеру готовят атаку»,—закончил Гурьянов.

Вилюков приготовил противотанковые орудия, выставил вперед гранатометчиков, весь отряд истребителей танков. В полночь началась предсказанная разведчиком немецкая атака. Всю ночь длился бой. Бойцы с беспримерным мужеством удерживали натиск во много раз превосходящих сил врага. Три немецких танка уже подошли к краю села, их орудия поворачивались к избушке, где был командный пункт. Гранатометчик Сергей Дорофеев бросил связку гранат, и одна машина замерла на месте. Но два оставшихся танка подползли к Дорофееву, и он погиб под их гусеницами. Наши противотанковые орудия подожгли эти машины. Немцы открыли люки и выскочили, пулеметчики скосили их.

В окопе у пулеметчиков политрук вел огонь по немецкой пехоте, которая уже ползла к селу. Пулеметчик был убит, и Захаров заменил его. Наши артиллеристы вели уничтожающий огонь. Но немецкие офицеры гнали своих солдат и через этот огонь, они прорывались, идя по испепеленным трупам.

К избушке подполз политрук Василий Захаров: его ранили. Теперь пулемет передан телефонисту, который оказался и пулеметчиком. Захарова положили на пол, перевязали. Он повернулся к Вилюкову.

— Как дела, командир?

Вилюков сел рядом, ответил, что немцы подтягивают до двух батальонов пехоты и еще пятьдесят танков. Он доложил в штаб, ждет приказа. Загудел телефон; Вилюков снял трубку. Ему приказали оставить село, занять новый рубеж у Волоколамского шоссе, прикрывать путь к Москве.

МОСКВИЧИ

1. Крепкие нервы

Иван Анфимович Шумилин стоял на посту, охраняя военный склад. Вдруг над головою заревел мотор. Немецкий стервятник вынырнул из облаков, начал пикировать на склад. Гулко и дружно ударили зенитки. Самолет вышел из пике и устремился в вышину. В воздухе засвистела бомба. В двадцати метрах от поста тяжело ухнуло. Шумилина опрокинула взрывная волна. Комья вывороченной глины накрыли его сплошным слоем в полметра толщиною. Только у самого края огромной воронки торчали рыжие подошвы сапог. Сбежались товарищи, откопали, встряхнули, привели в сознание.

— Ну, как?—спросил лекпом.—В госпиталь сам дойдешь или довести?

Шумилин протер глаза, осмотрел свои разорванные штаны, поцарапанные сапоги, почесал переносицу.

— Не такое теперь время, товарищ лекпом, чтобы ходить по госпиталям,—сказал он внушительно и веско.—Стою на ногах, значит, жив, здоров. Об чем разговор?

Его стали урезонивать. Кто-то вспомнил о рентгене. Необходимо сделать снимок: нет ли внутренних повреждений от контузии.

Тогда Шумилин рассердился.

— Дайте-ка винтовку,—приказал он.—И вообще прошу очистить территорию. На посту посторонним быть не полагается. Здесь вам не ярмарка. Отстою смену, пойду в портновскую штаны латать. Лечиться потом будем.

Лекпом дружески хлопнул часового по плечу и сказал:

— Крепкие у тебя нервы, парень. Другой на твоем месте сутки без памяти пролежал бы.

— Иди, иди,—улыбнулся Шумилин.—Чего ты мне зубы заговариваешь. Простая вещь. С каждым может случиться. И нервы у меня обыкновенные, советские.

2. Два заявления

Варвара Жарикова—черноглазая, щупленькая на вид девушка. Биография ее обычна. Выросла в деревне, работала в совхозе. Потом—Москва, работа в колбасном цехе мясокомбината, учеба на шоферских курсах.

В первые дни отечественной войны Варвара Жарикова поступила на военный склад в качестве вольнонаемного шофера.

Однажды пришлось везти боеприпасы на фронт. В близком тылу колонна грузовиков попала под огонь. С воздуха бомбили немецкие самолеты. Из леса очередями стреляли автоматчики, сброшенные на парашютах. Авиабомбы рвались по обочинам дороги. Пули стучали по бортам грузовиков. Вот-вот могли вспыхнуть ящики с грузом, и тогда—катастрофа.

Шоферы остановили машины, бросились в кусты.

— Эй вы, трусы!—закричала Варвара Жарикова, поднявшись на кузов машины.—Чего попрятались? Марш по местам. Всех перестреляю к чертям!

Стрелять ей было не из чего. Оружия она не имела. Грозные слова были произнесены для острастки. Однако они вразумили мужчин. Шоферы выбежали из укрытий, сели в кабины. Колонна тронулась и проскочила через опасную зону. Груз был доставлен во-время.

На обратном пути старый водитель сказал девушке:

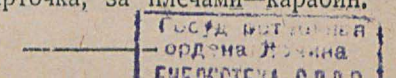
— Ну, брат, Варюха, ты женщина с перцем. Неужто не испугалась?

Девушка тряхнула волосами, задумалась.

— Еще как испугалась-то,—сказала она просто и задушевно.— Я ведь не деревяжка. Только страх, это—наше частное дело. Бояться бойся, а груз везти надо. Понятно?

Вернувшись в часть, где военком батальонный комиссар тов. Ковик, Варвара Жарикова подала два заявления: она просила, во-первых, считать ее бойцом, добровольцем РККА и вооружить; во-вторых, принять кандидатом в члены партии.

И вот на ней военная форма, в кармане ее гимнастерки—новенькая кандидатская карточка, за плечами—карабин.



П. Лидов

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной *.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев. Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо—сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это—девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стриженными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет»; и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали

* Подлинное ее имя, как выяснилось впоследствии, — Зоя Космодемьянская.

они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок?—злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цурюк!», и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса-час выводил ее на улицу на 15—20 минут. Наконец, изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь?—спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены. Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу. Прасковья снова заговорила с девушкой.

— Позавчера это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают—оружие сгорело...

В 10 часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своем посту,—ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали—им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валеные сапоги исчезли—их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка и в ней—бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офи-

церов. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы— любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это—счастье умереть за свой народ...

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, и ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик. А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух,—спасибо!

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке, и Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери*.

---

* Партизанке «Тане» — комсомолке Зое Космодемьянской — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

МОСКВЕ

Москва! Сердце нашей страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у кремлевской стены
Склонялась моя голова.
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны,
И полные ласки слова!
Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сшибаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!
О, полная мощи, Москва!
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью, и днем,
Руби их, как рощи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он ловок и жаден, Москва!
Немало он ссадин, Москва,
Оставил на теле твоем.
Раздавишь ты гадин, Москва!
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!
Мне птицы стрекочут—«Москва»!..
Мне горы грохочут—«Москва»!..
Твой подвиг под Млечным путем

Мне звезды пророчат, Москва!..
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва!
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою!
Мне ветер, мне поле—родня.
С пеленок в седле я живу.
Чуть свет я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву
И мчусь, стременами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен и песней помочь».
И вот, заодно с темнотой
На запад я взором плыву,
Где теплится день золотой...
Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву.
Я взором пугаю сову
И песню творю о Москве—
Москве! Для Москвы! За Москву!

Перевел с казахского *М. Тарловский*

ГОЛОС ДАЛЕКИХ СЫНОВЕЙ

Метель о бревна бьется с детским плачем,
И, на море вставая, как стена,
Ревет за полуостровом Рыбачьим
От полюса летящая волна.

Бьют сквозь метель тяжелые орудья,
И до холодной северной зари
Бойцы, припав ко льду и камню грудью,
Ночуют в скалах Муста-Тунтури.

Чадит свеча, оплывая в жестянке,
И, согревая руки у свечи,
В полярной, в скалы врубленной землянке
Мы эту ночь проводим, москвичи!

Здесь край земли. Под северным сияньем
Нам привелось сегодня ночевать,
Но никаким ветрам и расстояньям
Нас от тебя, Москва, не оторвать.

В антенну бьет полярным льдом и градом,
Твой голос нам подолгу не поймать,
И все-таки за тыщу верст мы рядом
С тобой, Москва, отчизна наша, мать!

Вот снова что-то в рупоре сказали,
И снова треск, и снова долго ждем.
Так, сыновья твои, из страшной дали
Мы материнский голос узнаем.

Мы здесь давно, но словно днем вчерашним
Лишь от своей Москвы отделены,
Видны Кремля нам вековые башни,
И площади широкие видны.

Своих друзей московских узнаем мы.
Без долгих слов, в руках винтовки сжав,
Они выходят в эту ночь из дома,
Мы слышим шаг их у твоих застав.

Мы видим улицы, где мы ходили,
И школы—в детстве мы учились в них,
Мы видим женщин, тех, что мы любили,
Мы видим матерей своих седых.

Москва моя! Военною судьбою
Мать и сыны сравнялись в грозный час:
Ты в эту ночь, как мы, готова к бою,
Как мы, всю ночь ты не смыкаешь глаз!

Опять всю ночь над нами крутит вьюга,
И в скалах эхо выстрелов гремит,
Но день придет—от севера до юга
Крылатая победа пролетит.

Мы верим, что среди друзей московских
Еще пройдем по площадям твоим,
В молчании еще у стен кремлевских
Мы, слушая куранты, постоим.

В твоих стенах еще, сойдясь с друзьями,
Победный тост поднимем над столом,
И павших, тех, что нет уж между нами,
Мы благодарным словом помянем.

Мы верим в это. Мы сидим в землянке,
Снег заметает мерзлую траву.
Нам не до сна, свеча чадит в жестянке,
Мы слушаем по радио Москву.

Ц. Солодарь

КАВАЛЕРИСТ АХМЕД ДАЛИЕВ

Камышевые заросли на берегах причудливо извивающейся Аму-Дарьи. Раскаленные солнечным жаром травы Хивинского оазиса. Как все это непохоже на засыпанные снегом леса Подмосковья, на подернутые ледяной кромкой асфальтированные дороги, по которым Ахмед Далиев мчится на поджаром дончаке с такой же горячностью и легкостью, с какой мчался на стройном ахалтекинском скакуне в родных краях.

И когда товарищи по эскадрону шутя расспрашивают молодого конника, не страшен ли ему мороз, Ахмед Далиев, широко улыбаясь, отвечает:

— Почему я должен бояться мороза? Я не должен бояться мороза. Это немцы боятся мороза—они на чужой земле, где все против них. А я у себя на родине. Я всегда согреюсь.— И как бы в подтверждение своих слов, Далиев поглаживает добротную зимнюю обмундировку и кивает в сторону дымков, весело бегущих в морозный воздух из котлов эскадронной кухни.

— Правильно, хлопцы,—подтверждает друг молодого узбека кубанец Дяденко.—На своей батьковщине ничего не страшно. А у Ахмеда еще и сердце жаркое. Ненавидит он немчуру, дуже лютый он на нее...

Дяденко видел Далиева в минуты лихих наскоков на врага. Он видел, как зажигались ненавистью лучистые глаза комсомольца, как сжимались его улыбчивые губы. Ахмед Далиев знает, что из Москвы, из Кремля пришло счастье для семьи его отца—нищего, обездоленного дехканина. Он знает, что немцы посягают на это счастье.

— Много хорошего пришло из Москвы к нам за последние годы,—рассказывает он товарищам по эскадрону.—И наши лучшие люди часто ездили в Москву, к Сталину, советоваться, что еще нужно сделать, чтобы еще лучше жили в Узбекистане. А теперь...

В рейдах по вражеским тылам, в рукопашных схватках Далиев уложил пулями своего карабина и искрошил клинком несколько десятков фашистов. Особенно велик счет изрубленных им офицеров. Наскакивая на врага, Далиев первым делом ищет офицера и, с громким возгласом на родном языке, обрушивает на него каленую сталь своей шашки.

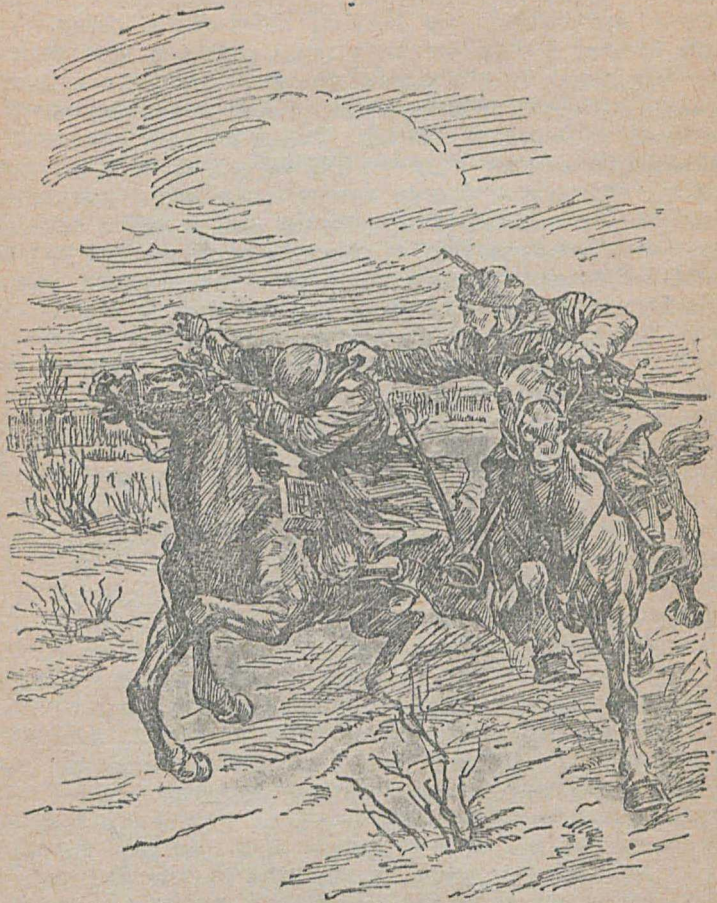
Однажды Далиева послали в разведку. Вернувшись на рассвете, он доставил привьюченного к седлу немецкого офицера. Молодой кавалерист объяснил товарищам:

— Много-много я видел в разведке. Только много-много русских слов надо знать, чтобы рассказать все, что я видел. А я еще не все слова по-русски знаю. Так пусть этот офицер сначала все расскажет по-немецки. А я дополню.

С тех пор все чаще посылали Далиева в разведку. Он нашел свое место в группе смелых конных разведчиков, которыми командует бесстрашный лейтенант Глухов. Разведчики охотно рассказывают о подвигах Далиева, особенно о том, который он совершил близ селения Ж. Наша кавалерийская часть нащупывала дорогу, по которой можно было бы ударить во фланг немцам. На рассвете морозного дня конные разведчики лейтенанта Глухова возвращались из немецкого расположения к своим. Рейд закончился неплохо. Разведчики нашли нехоженные лесные тропы, по которым могли пройти эскадроны, выведали все, что требовалось, о силах врага, да еще прихватили двух пленных.

Конники медленно пробирались по узкой лесной тропинке. Далиев замыкал кавалькаду. Выехав на опушку, разведчики увидели большую снежную поляну. На противоположном краю ее промелькнул силуэт вражеского всадника. Далиев первым заметил его. На скаку обратившись к лейтенанту за разрешением, Далиев помчался за уходящим врагом. После нескольких секунд стремительного галопа Ахмед убедился в том, что он гонится за немецким офицером. Главное—не дать ему уйти в лес!

Вот всадники поровнялись. Блеснул клинок. Срезанный погон слетел с офицерского плеча. Далиев мог тут же убить офицера, но решил захватить его живьем. Он вновь наскочил на немца и, слегка перегнувшись, с резким возгласом властной рукой



«Он вновь наскочил на немца и, слегка перегнувшись, с резким возгласом властной рукой вырвал офицера из седла».

вырвал офицера из седла. Немецкий офицер от страха потерял сознание и закачался на далиевском коне, как грузный мешок. Ахмед взял у немца автомат и, подхватив за поводья бросившуюся в лес офицерскую лошадь, помчался к своим. Там офицер пришел в себя. Он упал перед конником на колени и, размазывая слезы по обмороженному лицу, умолял о пощаде...

Конники продолжают наступление. По снежным дорогам они гонят врага на запад от Москвы. Далиев почти в каждом бою умножает список своих подвигов. Был случай, когда дрогнувшая немецкая мотоколонна, бросив материальную часть, попыталась ускользнуть от преследования. Далиев был в числе тех, кто в метельную ночь рванулся за отступившими немцами в гущу лесов. В непроходимых снежных сугробах он настигал немцев и безжалостно рубил их, осмелившихся пойти на Москву, на родную Москву, которую земляки Ахмеда Далиева в задушевных песнях называют «источником света, не гаснущего для узбеков, познавших свободу».

АВТОМАТЧИК ПАВЕЛ БИРЮКОВ

I

Какое чудесное было то утро. Багровое солнце медленно вставало над горизонтом. Снег розовел и искрился под его лучами. Крапива-ветер обжигал лица, раскачивал звонкие ветви берез и сосен.

Вслед за комбатом и группой автоматчиков из блиндажа вышел Павел Бирюков. Он прищурил серые свои глаза от солнца. На лицо его—открытое и уже немолодое—легла улыбка, блеснули зубы,—с правой стороны нехватало двух зубов: они были выбиты пулей еще в гражданскую войну. Улыбаясь и вскидывая свой автомат на плечо, Павел Бирюков отвернулся в сторону и широко открыл глаза.

У Дома Красной Армии Нарофоминского городка были немцы, их было сотни полторы. На углу три фашиста устанавливали пулеметы. До них было—рукой подать, вот они—за деревьями, на площадке.

— Товарищ комбат, немцы!—шепнул Бирюков.

— Где?

— Да вот они!

Бирюков ткнул в сторону немцев стволом автомата и метнулся в кусты, к огромной сосне. Он крикнул лейтенанту Мосьпану, командиру взвода автоматчиков:

— Товарищ командир, давайте скорее, вон их сколько!

Десятка два немцев обернулись на крик Бирюкова, вскидывая свои автоматы и винтовки. В этот миг Бирюков, стоя за сосной и чуть пригнувшись, дал по ним на уровне груди и сердца длинную очередь. Разом прогремела очередь лейтенанта Мосьпана. Бирюков ясно увидел, как от его очереди рухнули на снег три немца, бросился к другой тройке, которая уже установила пулемет. Мелькнули перекошенные от ужаса лица врагов. Один немец пытался открыть огонь. Бирюков изо всей силы ударил его прикладом по плечу, и тот, коротко взвыв,

упал, завертелся на месте. Другой и третий не успели подняться: пули ударили им в грудь, и они легли трупами на подмосковной земле, на скрипучем утреннем снегу.

Только сейчас Бирюков оглянулся. Лейтенант Мосьпан и автоматчики Терехов, Манеев и Ермоленко расстреливали немцев с этой короткой и смертельной дистанции. Уцелевшие немцы, вопя и бросаясь зигзагами из стороны в сторону, мчались к домикам в лесу. Комбат взмахнул рукой. Граната разорвалась чуть впереди бегущих. Сквозь дым Бирюков увидел, как падали немцы. В ушах свербило от пронзительного и отвратного воя врагов.

— Бейте! Без промаха бейте, товарищи!—ликуя прокричал Бирюков. И встретился взглядом с тем, кого ударил по плечу. Тот раскрыл было рот.

— Молчи!

Бирюков схватил немца за ремень, оттащил в сторону, в овражек, связал ему руки. Потом деловито подобрал и забросил к блиндажу немецкий автомат.

Немцы уже скрылись в окопчиках у домиков. Оттуда свистели пули.

— Тут дела надолго!—подумал Бирюков и, согнувшись, пробежал за угол ДКА, чтобы захватить еще диски для своего автомата.

Начальник разведки дивизии встретил его дружеской улыбкой:

— Молодец, товарищ Бирюков. Лихо действовал. Теперь надо добивать врага, вышибать его оттуда, от домиков. Бери бойцов, действуй.

Десять красноармейцев и автоматчиков тотчас окружили Бирюкова.

— Будем действовать решительно и смело, товарищи! Не отставать! Друг друга выручать!—торжественно и строго сказал Бирюков, оглядывая соратников.

— Не подкачаем.

— Давай, давай!

— Командуй!

Из-за угла дома выбежал лейтенант Мосьпан. Бирюков просиял:

— Есть кому командовать. Командир цел-целехонек.—Он деловито рассовал по карманам и навесил на себя сумку с патронами, три целых диска, восемь гранат. Лейтенант Мосьпан, получив задачу от подполковника, спросил Бирюкова—как он думал действовать.

— Я бы пошел тремя группами: в лоб, и в обход справа и слева.

— Правильное решение. И я так думал!—сказал лейтенант.

— Давайте! Быстро!—приказал подполковник Балуян. Бирюкову хотелось рассказать ему,—как же это получилось, что немцы пробрались в наш тыл, где была наша разведка, где было боевое охранение. Но со стороны фронта усилился артиллерийский и минометный огонь врага по нашему переднему краю; там в окопах были три наших роты, и немцы у домиков были в тылу этих рот.

— Вот каша! Потом придется разобраться!—подумал Бирюков.

Через мгновение три группы уже двинулись вперед, к домикам. Слева шли два автоматчика и три красноармейца, в центре лейтенант Мосьпан с автоматчиком и тремя бойцами. Бирюков с четырьмя красноармейцами пошел справа, лесом, по овражку. Они отошли с полсотни метров. В воздухе стоял сплошной вой снарядов и мин. Гремели разрывы. Трещали, падали с шумом ветви сосен и берез. Впереди и слева, захлебываясь, лаяли пулеметы и автоматы. Сбоку рявкнула мина, взвыли осколки. Бирюков оглянулся на стон. Красноармеец обхватил левой рукой правое плечо, разбитое осколком, окровавленное. Синими глазами он посмотрел на Бирюкова и тихо, побледнев, опустился на снег.

— Отведите его назад!—приказал Бирюков, и в этот миг увидел: по той стороне овражка здоровый рыжий немец устанавливает на бугорке ручной пулемет. Волна страшной ярости ударила в голову Бирюкова.

— Ах, фашистская нечисть!—Он старательно прицелился, опершись о ствол березы, и с чувством облегчения расстрелял немецкого пулеметчика. Ему очень ясно было видно, как тот скрючился, и на снегу закричали алые брызги.

Скользя и спотыкаясь, Бирюков скатился в овражек, поднялся на бугорок и вернулся к бойцам с пулеметом. Он отдал его бойцу:

— Давайте идите в ДКА.

Бойцы ушли назад. Бирюков проводил их взглядом, в то же время не упуская из виду ничего вокруг. Лицо его пылало, ему было нестерпимо жарко. Он бросил в рот горстку снега.

— Покурить бы!—подумал он. И отошел по склону овражка, осторожно скользя от дерева к дереву. Впереди, между деревьев мелькнуло что-то зеленое. Бирюков мгновенно залег в небольшой ровик, изготовился к бою.

— Вот как хорошо выходит!—вдруг удивился он, и как будто со стороны увидел себя в ровике на снегу, и тех—двух немцев, которые шли прямо на него с черными автоматами наготове. И когда они подошли шагов на двадцать, Бирюков перерезал их короткими очередями—одного и другого.

— Туда вам и дорога!

Потом он быстро пробежал с полсотни шагов вперед. Домики теперь были уже слева, и окопчики, в которых засели немцы, были слева. Теперь надо было смотреть еще зорче. Вон между стволов пробежал немец к военному городку. Неужели заняли военный городок? Вот бы прочесать их там из автомата.

Над ухом Бирюкова пронзительно свистнули пули. Холодная тошнота страха вдруг обдала его. Мгновенно крутнувшись, Бирюков увидел немецкого офицера в очках, стрелявшего в него, и в этот же миг его безотказный автомат уже ударил жаркой горстью пуль в живот фашиста. Тот с криком упал. Бирюков перебежал на десяток шагов дальше. Впереди был бугор, вот сейчас надо выбраться туда, и ударить по немцам уже с тыла. Тут он услышал, как чей-то голос окликнул его:—Бирюков, не ходи!

Вокруг никого не было. У Бирюкова перехватило дыхание. И тут же он взял себя в руки.

— Да что же я—струсил, что ли? Броском на этот бугорок, большевик Бирюков.—Пригнувшись, он метнулся на бугорок—и застыл. Там, среди деревьев и кустов стояла группа

немцев. Тут же были окопчики. Передний немец поднял винтовку. Рыжий, щетинистый, он смотрел, не мигая белесыми глазами.

— Русь, сдавайсь!

Стиснув зубы, Бирюков взмахнул своим автоматом и застрочил, застрочил. На снегу сразу возник завал из трупов и раненых. В глазах Бирюкова нестерпимо ярко мелькали пятна крови на измятом снегу. Уцелевшие немцы с воем попрыгали в окопчики и скрылись. Заскочив за ствол дерева, Бирюков упал на колени и стал метать в окопчик гранаты,—одну за другой, припадая и залегая перед каждым взрывом. Когда же из окопчиков высовывались головы, он вскидывал автомат и посылал беспощадно меткие очереди.

Оглянувшись, Бирюков увидел подбежавших бойцов седьмой роты. Он вскочил, потрясая автоматом.

— Я здесь! Сюда, товарищи!

Через мгновенье в окопчики полетели десятки гранат, черными дымными клубами встала земля...

2

К Дому Красной Армии стащили трофеи—восемь пулеметов, минометы, винтовки, пистолеты. Привели пятнадцать пленных. Из окопчиков Бирюков привел одного пленного. И со всех ног бросился в овражек. Связанный немец лежал там же, где его оставил Бирюков. В глазах его был ужас, на лице жалкая косая улыбка.

— Ты пока не бойся, чортова голова. Гут, гут! А Гитлеру будет вот!—И Бирюков показал руками,—как схватят Гитлера за горло.

Товарищи окружили его, и от них он узнал, что лейтенант Мосьпан, раненый в грудь навылет, скончался. Это он кричал, предупреждая Бирюкова, за мгновение до раны... Автоматчик Ермоленко ранен в голову. У Бирюкова дрогнули губы, он опустил голову и тотчас же вскинул ее гордо.

Он слышал грохот орудий, треск винтовок и пулеметов. Великий бой за Москву, за Родину, за разгром врага продолжался. На душе Бирюкова было светло, спокойно. И в мыслях

была стройная ясность. Он слушал шумные одобрения товарищей. Перед умственным взором удивительно—сразу—стояли все картины, все подробности сегодняшнего боя. Да, он, Павел Андреевич Бирюков, автоматчик 1-й Московской гвардейской дивизии, член ВКП(б) московской организации, доброволец гражданской и отечественной войны,—вел себя в этом бою достойно.

Его охватил прилив сил, ликующий подъем. Как здорово побили сегодня немцев. И он, автоматчик Бирюков, отлично уничтожал немецких захватчиков. Но ведь и все боевые друзья, грозные соратники тоже отлично истребляли врага. И так—по всему фронту. Да ведь это значит, что начался новый этап борьбы. Начался разгром фашистских полчищ—беспощадный и грозный разгром врага!

ЧЕТЫРЕ ГВАРДЕЙЦА

Посвящается гвардейцам-комсомольцам Борису Кулькову, Виктору Тонких, Ивану Чернятову и Ивану Щепетову

Есть в роте автоматной
Гвардейского полка
Четыре друга статных,
Четыре земляка.
И кто на них ни глянет,
Подумает: браты!
У всех—один румянец,
У всех—одни черты,
У всех—одни повадки,
Все кряжисты, крепки.
И всей четверкой в схватки
Выходят земляки.
Уральцы молодые—
Еще в минувший год
Их руки золотые
Прославили завод.
И вот четыре друга
Дерутся под Москвой,
Четыре металлурга
С далекой Чусовой.

Ледок подернул кромкой
Излучины дорог.
В лесу гудит поземка—
Московский ветерок!
Проходит по пригорку
Дозор сторожевой—
Отважная четверка
Ребят из Чусовой.

За снежным перекатом
У поворота в лес
Немецкие солдаты
Идут наперерез.
Идут большой оравой,
Идут, но не пройдут!
Железною заставой
Гвардейцы здесь встают.

Над лесом зашумела
Свинцовая гроза.
У храбрых и у смелых
Хорошие глаза!
Сухие перестуки
Над соснами гремят.
Вам, золотые руки,
Послушен автомат.
На страже Подмосковья
Советский человек!..
И от немецкой крови
Чернеет русский снег,
И русские патроны
Кладут за трупом труп,
И от немецких стонов
Снега дрожат вокруг.
Друзья в накатах снега
Приладились, лежат.
Четыре человека—
Четыре рубежа.
Покуда сердце бьется—
Рубеж непроходим!
И возглас раздается:
— Москвы не отдадим!
Сказал Иван Чернятов—
Один за четверых.
Немецкие солдаты
Опять идут на них.

В холодные просторы
Бросают шквал свинца
Горячие затворы,
Горячие сердца.
И этим шквалом смяты,
Лежат на рубежах
Немецкие солдаты
В сугробах, как в гробах.

Уже уходит просинь,
Уже приходит мрак,
Уже не видно сосен,
Но в соснах виден враг.
И грудью, брат за брата,
Стеной встают в ночи
Уральские ребята,
Гвардейцы-москвичи.
Солдаты к ним крадутся—
Не выйдет, немец! Врешь!
Гвардейцы не сдаются,
Уральцев не возьмешь!

И вновь сжимают пальцы
Литую сталь курка—
Не дрогнули уральцы,
Четыре земляка.
И снова с пьяной бранью
Враги идут на них...
Немецкой пулей ранен
Один из четверых.
С простреленной рукою
Лежит Кульков Борис.
С врагом дерутся трое,
Как четверо дрались.
И каждый очень строго
Ведет патронам счет...

К утру пришла подмога—
Пришел гвардейский взвод.
И взвод не позабудет,
Что в битве под Москвой,
Как львы, сражались люди
Из дальней Чусовой,
Что к нам пришли с Урала
Четыре храбреца,
Где твердые металлы
И твердые сердца.

ДЕКАБРЬ

1

Подошла война к Подмосковью.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

По дорогам гремят тачанки.
Эскадроны проходят вскачь.
Ждут сигнала атаки танки
Возле стен подмосковных дач.

Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
Молодой москвич-пулеметчик
С темной рощи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву.

2

Как долга эта зимняя ночь.
Ждать урочного часа невмочь.
Тает в облаке трепетный свет
Осторожных немецких ракет.

Грянет залп, и опять тишина.
А стрелкам в эту ночь не до сна.
Примыкая к винтовкам штыки,
Ждут сигнала атаки стрелки.

Хрустнул снег. Покачнулся плетень.
Промелькнула разведчика тень.
Над седой от мороза травой,
Стиснув зубы, стоит часовой.

3

Вот и дни атаки наступили.
Вот и дрогнул гитлеровский сброд.
В белом облаке морозной пыли
Танк несется с грохотом вперед.

Танк рычит на резком развороте.
И из люка танка, в гром и грай,
Башенный стрелок кричит пехоте:
— Нажимай, родная, нажимай!

4

Исковерканы взрывом пути полустанка.
Снег расчерчен следами бесчисленных лыж.
На разбитую башню немецкого танка
По обугленным ребрам взобрался малыш.

Зябко ежась и брови сдвигая упрямо,
Показал на чужих мертвецов у двора:
— Это их за папаню, Серегу и маму
Наши дяди танкисты побили вчера.

5

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покатилась вспять
Немецкая железная волна.

Здесь вмяты в снеговую целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним, горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

ОГОНЬ НА УНИЧТОЖЕНИЕ

В маленькой полутемной избушке, где разместился штаб генерала Катукова, не смолкал многоголосый говор. Кто-то передавал приказания по полевому телефону, у окна сапер докладывал комиссару бригады о найденных минах, за столом начальник штаба уточнял обстановку, наносил на карту путь, пройденный танкистами и пехотинцами за последний час; в углу человек, по фамилии Ястреб, готовил обед, и в избушке уже распространился запах щей. У стены на соломе спал кто-то, завернувшись в шинель, не обращая внимания на шум людей и рев моторов за окном.

Мы вошли в эту избушку уже перед вечером. С трудом пробившись к столу, мы узнали, что штаб через полчаса покидает село Деньково. Начальник штаба, поглядывая на часы, со свойственной ему деловитостью и предусмотрительностью намечал все детали движения колонн. Он подозвал к себе дежурного и тихо сказал: «Пора—будите». Дежурный притронулся к руке человека, который спал на соломе,—тот быстро поднялся, надел шинель, и мы узнали генерала Михаила Катукова, отважного командира первой гвардейской танковой бригады.

За обедом генерал выслушал донесения о бое, который идет уже второй час в селе Горюны. Катуков поторапливал свой штаб: «Темпы, друзья, темпы, ни минуты промедления». В сумеречный час мы вышли из села Деньково. Бригада Катукова двигалась на запад. На всем своем пути танкисты и пехотинцы вступали в ожесточенные бои с арьергардами врага. Немцы отступали, их путь был усеян брошенными автомобилями, орудиями, танками, пулеметами. Катуков подсчитывал трофеи, генерал знал, что если враг бросает свое вооружение, значит он охвачен паникой, деморализован. Что ж, это хороший признак, но в нынешней войне нужен трезвый ум; не терять голову не только в дни поражений, но и теперь, во время наступательного похода.

Враг отступает, но он еще силен, он пытается сохранить своих солдат, свою живую силу. Катуков напоминает танкистам: дело не только в занятии сел и городов, но и в полном уничтожении врага. Командир танкистов майор Черябкин хотел овладеть селом «ударом в лоб». Катуков отверг этот план: надо охватить с флангов, отрезать путь к отступлению, окружить и уничтожить врага.

Ночью бригада подошла к селу—перекрестку, откуда уходили дороги на запад и юго-запад. Нужно было, не теряя ни минуты, захватить село, овладеть дорогами и держать их под огнем. Катуков выбросил разведку—бронемашины, автомобили с лыжниками и автоматчиками. Вскоре вслед за разведкой поползли наши танки с десантом пехоты. Все это—небольшие части, главные силы генерал еще не вводил в бой. В ту минуту, когда разведка донесла о поспешном приготовлении немцев к отходу, а танки заняли дорогу за селом, оказавшись в тылу врага, в ту самую минуту Катуков бросил бригаду в бой. Прошел час, и улицы села были усеяны немецкими трупами, а утром мы увидели, что белый снег на обочинах дорог почернел от крови.

«Огонь на уничтожение!»—этот клич приобретает все более реальный характер, он подхватывается нашими бойцами.

— Как дела?—спрашивает Катуков у пехотинцев.

— Преследуем врага, без отдыха преследуем, идем по пятам...

— Мало преследовать,—замечает Катуков,—надо уничтожать... В этом—главный смысл нашего контрнаступления... Помните!

На рассвете бригада совершила обходный маневр в районе сел Гряды и Покровское. На шоссе генерал оставил до роты пехоты и пять танков. Основные же силы он бросил на проселки и, выйдя с фланга на Гряды, окружил село. Немцы выскочили из домов, не успев даже одеться; их уничтожали, тут же, на снегу, сотнями. Многие из них бежали от смерти в лес, к озеру, которое еще накануне немцы превратили в гигантскую могилу: в прорубь они бросали своих солдат, чтобы скрыть трагические потери.

Теперь, когда враг отступает, наши бойцы напрягают все усилия для его полного уничтожения. Мы видели на шоссе,

соединяющем Клин с Волоколамском, разбросанные по снегу трупы немцев. Кто-то сказал, проезжая мимо: «Это, должно быть, Селезнев...» Нынче утром здесь был бой. Немецкая пехота, прикрывшись арьергардом, двигалась по шоссе. Командир полка полковник Ванденфельд приказал не задерживаться из-за раненых и обмороженных, бросать их в пути. Автомобили застревали в снегу, их поджигали, но не тянули за собой. Это был пехотный полк, основательно потрепанный в боях под Клином. Немцев преследовали бойцы командира Селезнева. Был задуман смелый маневр—бросить крупный отряд лыжников с автоматами в обход, зайти в тыл врагу, отрезать ему путь для отступления, окружить и полностью уничтожить. Селезнев простился со своими лыжниками, сказав им только одну фразу: «Мой приказ—огонь на уничтожение!»

Лыжники вошли в лес и двигались по просекам или густым зарослям осторожно, чтобы не обнаружить себя. Они догнали врага, обошли его и к вечеру очутились в тылу у немцев; лыжники отрезали им путь. В условленный час они открыли ураганный огонь по продвигавшейся вражеской пехоте. Немцы заметались по дороге, оглашая поля и лес дикими криками. Они бежали по глубокому снегу, падали, ползли, цепляясь друг за друга. Огонь наших автоматчиков не стихал, их пули настигали врага, даже когда он зарывался в снег. Немцы пытались обороняться, но уже было поздно,—лыжники разгромили полк. К утру дорога и прилегающая к ней поляна были усеяны мертвыми немецкими солдатами.

Так на всех дорогах лежат мертвецы, солдаты Гитлера, нашедшие себе могилу на советской земле. Лежат скелеты полусожженных автомобилей, пушки, мотоциклы, минометы. Только на-днях все это действовало, двигалось, было наполнено жаждой истребления.

Теперь с потрясающей силой перед нашими бойцами воскресают страшные картины, беспримерные ужасы, которыми немцы сопровождали свой путь на восток. Жестокость не спасла их, обреченных на смерть, на гибель. Треск пылающих городов, стоны детей, женщин и стариков, расстреливаемых из

пулеметов на дорогах, крики о помощи тысяч обездоленных и растерзанных людей, этот созданный Гитлером мир слез, отчаяния, голода и безысходных мук как бы соединился здесь, под Москвой, в единый поток. Он взывает о мщении. И из глубины сердец несется грозный клич нашего народа: «Огонь на уничтожение!»

Враг понимает, что идет жесточайшая, неслыханная в истории человечества борьба за истребление огромной разбойничьей армии. Он пытается задержать наших воинов, чтобы успеть уйти. Пусть погибает все—автомобили, танки, мотоциклы, орудия,—немцы только сами пытаются спастись. Они минируют дороги, мосты, поляны, дома. В селе Деньково саперы генерала Катукова нашли семьсот мин, разбросанных под снегом на шоссе. Враг коварен и изворотлив. По шоссе надо двигаться с величайшей осторожностью, потому что здесь мины подстерегают путника на каждом шагу. Но гвардейцы Катукова не знают страха в борьбе, они двигаются с упорством и настойчивостью. И днем, и ночью саперы ищут мины, обезвреживают дороги, спасают людей от смерти, расчищают путь войскам, наступающим на запад, войскам советского народа, поставившим перед собой священную цель—уничтожить врага, не дать ему уйти с земли, на которую он посягнул, которую он залил кровью.

ДОРОГА В ГОРОД КЛИН

Бой проходил здесь вдоль шоссе.

По обочинам стремительно вытянутой дороги к Клину на десятки километров разбросаны стальные, тяжко изуродованные останки того, что вчера составляло мощь и тщеславную гордость многочисленных германских дивизий, разгромленных Красной Армией.

Чтоб разбить этот броневой клин, грозно занесенный над Москвой, понадобился могущественный таран.

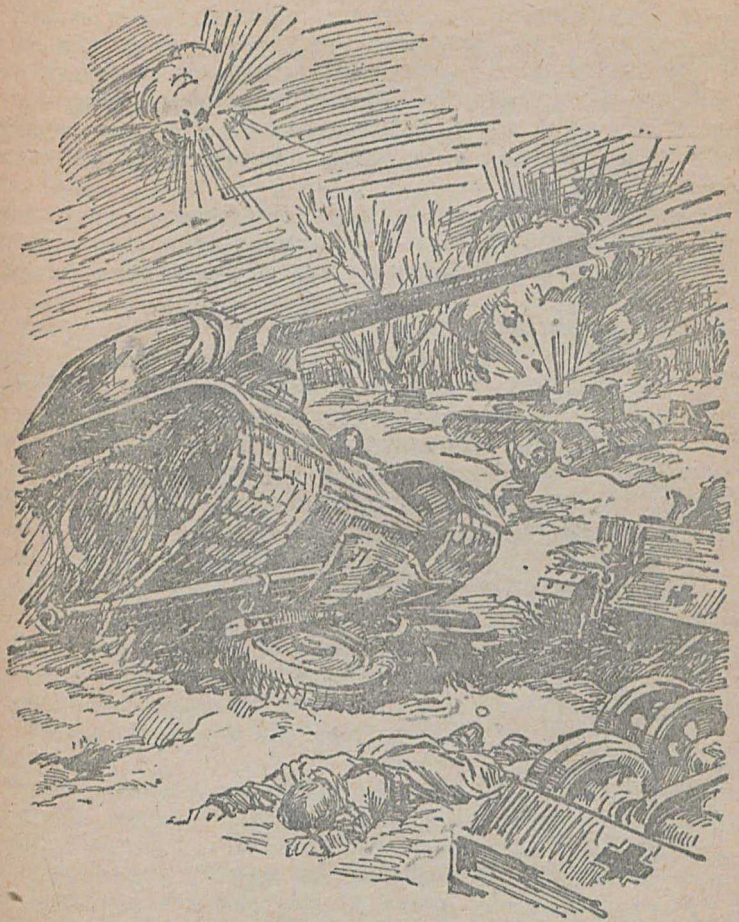
Мы пытались подсчитать развороченные, покрытые окалиной, лежащие на боку, опрокинутые на башни, неузнаваемые машины—и сбились со счета.

Здесь происходил рукопашный бой машин. Иначе его назвать нельзя. Яростно сблизившиеся стальные громады бились друг с другом вплотную, не применяя уже артиллерийского огня. Вот в развороченной груде металла лежат одиннадцать танков, девять из них немецкие, два наши. Правая гусеница советского танка продавила борт черного, фашистского. Второй советский танк стоит на растоптанной противотанковой пушке, навалившись на немецкую машину так, что орудия ее были подмяты советским танком.

Дальше мы видим броневые машины. Они покрыты красной окалиной, металлические лохмотья выперли из бортов, развороченных орудийными снарядами. Видим танк, разодранный на две части тяжелым снарядом. Одна половина танка валяется в снежной канаве, другая—узкая, обутая в гусеницу, каким-то чудом удержалась на шоссе.

Это—работа советских батарей.

На опушке леса—немецкий обугленный танк. Возле танка труп нашего бойца. В окаменевшей руке его, занесенной над головой, зажато горлышко разбитой бутылки. В ней была горючая жидкость. Боец вступил в единоборство с бронированным чудовищем, сжег его и сам пал смертью героя.



«Здесь происходил рукопашный бой машин».

И опять бесчисленные остовы искалеченных вражеских машин. Но чем ближе к Рогачеву и Клину, тем больше попадается штабных автобусов, малолитражек, каких-то квадратных броневичков. Эти машины не разбиты снарядами. Они сковырнулись в канавы при поспешном бегстве немецкого командования или брошены из-за отсутствия горючего. В Клину на Советской площади стоят обгорелые пробитые фашистские броневики. Здесь, на площади, фашистским псам был дан жаркий концерт. Они метались и не могли вырваться из огневого шквала.

Сбившиеся в кучу, с выпавшими металлическими внутренностями, машины напомнили нам немецких солдат, валяющихся в снегах Подмосковья, окаменевших, но еще с живыми вшами в одежде.

Так выглядит дорога войны.

Так выглядят те, кто дерзнули воровски ступить на нее.

Но к вечеру дорога меняет свой облик. В Москву тянутся, громко стуча моторами, могучие тракторы. Они волокут на привязи разбитые немецкие машины, орудия, которые починят рабочие Москвы. Из Москвы мчатся колонны машин, наполненные мукой, мясом, хлебом для жителей освобожденных городов и сел Подмосковья.

Евгений Кригер

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Была холодная, лунная, колючая ночь, когда мы подъехали со стороны фронта к Бородинскому полю. Фронт за несколько часов продвинулся вперед, оставляя за собой железный прах немецкой армии, и по дорогам, лишь едва прощупанным саперами, рискуя взорваться на минах, скрипели полковые обозы, окутанные паром из конских ноздрей. Ездовые, чтобы согреться, шли рядом, плечом подпирая сани на подъемах и спусках. Двигалась артиллерия, в ту и другую сторону проезжали на заиндевевших конях связные, шли автоматчики в белых халатах, храпели моторами грузовики, тягачи, тракторы,— громада наступающей армии продвигалась вперед, задерживаясь лишь у взорванных мостов и разрушенных немцами переправ.

В синей мгле, дымившейся снежной пылью, были далеко видны разложенные по краям дорог костры, возле которых грелись или саперы, или водители застрявших машин, или возчики снарядов вместе с женщинами, детьми, стариками, пришедшими к армейским кострам из деревень, где не осталось ни одного целого дома. Мороз был такой, что, не будь войны, люди заперлись бы в жарко натопленных домах, и дороги опустели бы, и человеку становилось бы холодно от одной мысли о появлении в открытом поле, далеко от домашнего тепла и света. Стволы орудий стали белыми от инея, и шоферы обжигали руки, вытаскивая из-под машин домкраты; снег на дорогах стал твердым, как дерево, и даже воздух стал плотнее от стужи, его вдыхали маленькими глотками, как глотают лед.

И трупы немецких солдат лежали скорченные, с поджатыми к груди руками, как будто до сих пор их терзает холод. Они не дошли до Москвы. Теперь их погнали из Можайска, из Бородино, и русские кутузовские орлы попрежнему стынут на обелисках над Бородинским полем, освобожденным от вражеского нашествия.

Было ли в этой войне Бородино? Его не было, если говорить об отдельном сражении. Но если помнить, что Бородинское сражение, которое Наполеон считал своей победой, надломило мощь французской армии и стало в конечном исходе войны победой русских, победой Кутузова, то разве не было грандиозным Бородинским сражением то, что происходило на далеких подступах к Москве в октябре и ноябре 1941 года, когда Красная Армия отходила под натиском сотен немецких танков и не сдавала без боя ни одной пяди земли, и среди красноармейцев появился лозунг «один против танка», и немецкая машина уничтожения рушилась под ударами наших гранат, и Гитлер подошел к Москве обескровленным и покатился назад при первых ответных ударах? Да, мы тогда отступали, но такое отступление, с боями у каждой деревни, у каждой реки, по дорогам, заваленным трупами немецких солдат,—такое отступление было победой не для Гитлера, а для нас.

В те трудные и, как многим казалось, страшные дни не было в нашей армии человека, который бы не верил в победу. В середине октября я видел в лесу у Можайска группу молодых наших танкистов. Они только что вернулись из боя: черные от копоти лица с острыми скулами и ввалившимися щеками, следы нечеловеческой усталости,—лечь на холодную землю и уснуть, больше ничего. Несколькими танками, пробитыми во многих местах, они в течение суток сдерживали лавину немецкого наступления. Вернулись только для того, чтобы заправить машины. Кто-то из жителей, испуганно жавшихся к танкистам, спросил, идут ли немцы?

— Идут,—весело и сердито ответил один из танкистов,— идут с битой мордой!

И пошел к своему танку, и через час снова был в бою вместе с товарищами. Эти люди знали, что делают, и они хорошо сделали свое дело.

Теперь мы снова в тех местах, где они дрались в тяжелые дни октября. Бородинское поле. Немцев здесь нет. Они ушли отсюда без боя. По скрипучим снежным дорогам звенит сталь наших пушек. В стуже, от которой прячется все живое, наша армия продолжает гнать немцев.

Вл. Лидин

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Старые раны, нанесенные городу войной, зарастут, противотанковые рвы засыплются землей, новые, молодые леса будут расти на месте сведенных и срубленных, и тогда, оборачиваясь к прошлому, каждый, кто пережил вместе с Москвой ее военные дни, с гордостью сможет сказать, что и он участвовал в великой битве.

Враг, растоптавший почти всю Европу, как подстреленный, окровавленный волк, бежит от Москвы по снежным подмосковным полям и дорогам. Москва была так близко,—и ее нет, это—только мираж. Десятки раз обещали немецким солдатам сытый и теплый сон на перинах в Москве, им обещали, что, завоевав этот город, они получат отдых, их отпустят домой.

В дни, когда враг был возле самой Москвы, когда он уже хвастливо заявлял на весь мир, что видит в цейсовский бинокль старые стены Кремля,—в эти дни лучшие люди Москвы ушли за городскую черту, чтобы на подмосковных полях выкопать десятки и тысячи могил для врага. И они копали их,—пусть это называлось укреплениями или противотанковыми рвами, но именно здесь, в Подмосковье, многие тысячи немецких солдат нашли свою бесславную и глухую могилу.

Были дни, когда казалось, что война стоит уже на пороге домов, баррикады и надолбы воздвигались на улицах и в переулках,—но ни разу уверенность в победе не покидала Москву.

Когда-нибудь будет написана книга о героических днях Москвы, которая помогла своей волей к борьбе измолоть, растереть в кровавый порошок тысячи и тысячи немецких солдат. Москва победила в жестокой битве с врагом. Дальше на запад, теряя на пути своих солдат, вооружение, танки, отходит, а иногда и бежит неприятель. Это—победа, но Москва знает, что враг коварен, еще очень силен,—и Москва остается верной себе. На ее заводах, в фабричных цехах московские рабочие поклялись, что усилят свой труд, что удача удесятерит

их силы, что они отдадут фронту все, что только могут дать их рабочие руки... Москва ныне—город войны, который хорошо знает, что нужно для победы в войне. Железо, сталь и бетон сопротивляются действию артиллерии. Железная воля и уверенность людей в своих силах сопротивляются ожесточенному натиску изощренного в разбое врага.

На самой передовой линии величайшего поединка Москва выстояла. Были дни, когда каждый из нас проверял свою жизнь, потому что решалась судьба Москвы. Наступили дни, когда каждый из нас, проверяя свою жизнь, говорит себе: да, стало легче, но это только начало. Враг только ранен, но раненый зверь еще опасен. Ни одного дня отдыха, ни одной легкомысленной надежды, что силы врага уже на исходе,—он еще будет бороться, и борьба эта будет тяжела. Трубы московских заводов дымят, и это значит, что фронт получит от Москвы все, что ему нужно. Улицы Москвы полны движения,—и это значит, что Москва, как никогда, уверена в своих силах. Мы не празднуем нашей победы, как праздновали бы свою немцы, стараясь хвастливой похвальбой оглушить мир,—мы только удесятеряем трудовые усилия. Наши праздники впереди, и мы—будет время—хорошо их отпразднуем.

Немецкие солдаты видели на картинках и на табачных коробках московский Кремль, они читали про тучное хлебосольство Москвы, они хотели тепла и сытости и получили себе взамен могилы в Подмосковье. А Москва стоит впереди со шпилями башен Кремля—город русской славы.

А. Сурков

ЗА НАШЕЙ СПИНОЙ МОСКВА

Огня горячее и тверже стали
Отважных бойцов сердца.
По зову вождя мы под знамя встали
Встречать ураган свинца.
Мы дали отчизне своей присягу,
Огнем подкрепим слова.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва!

Над морем хлебов, в рассветном тумане,
Как свечи, горят штыки.
Идут москвичи, уральцы, волжане,
Смоленцы, сибиряки.
В бойцовских сердцах мы несем отвагу.
Грозна штыков синева.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва!

В полях, на лугах, по лесам зеленым,
В суровый и грозный год,
Могуч и бесстрашен, стальным заслоном
Встает богатырь-народ.
Верны мы вождю и красному флагу.
В нас гордость отцов жива.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва!

За кровь и пожары, за слезы и горе,
Что в сердце несет страна,
Отплатим кровавой фашистской своре
Огнем и мечом сполна.
Гони их в болотную топь, к оврагу,
Стреляй из каждого рва.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Полководец. *А. Сурков* 3
Наш город. *Вл. Лидин* 4
Москва в эти дни. *С. Щипачев* 7
Октябрь 1941 года. *Роман Фатуев* 8
Москвич. *Сергей Васильев* 20
Ночь на батарее. *А. Глебов* 22
Первый бой. *А. Сурков* 25
На крыше. *Р. Бобков* 27
Батальоны москвичей. *Ц. Солодарь* 31
Поединок. *Хаджи-Мурат Мугуев* 32
Враги не пройдут к Москве. *А. Сурков* 35
Стойкость. *О. Курганов* 36
Москвичи. *Ив. Арамилев* 40
Таня. *П. Лидов* 42
Москве. *Джамбул* 47
Голос далеких сыновей. *К. Симонов* 49
Кавалерист Ахмед Далиев. *Ц. Солодарь* 51
Автоматчик Павел Бирюков. *Вл. Ставский* 55
Четыре гвардейца. *Ц. Солодарь* 61
Декабрь. *А. Сурков* 65
Огонь на уничтожение. *О. Курганов* 68
Дорога в город Клин. *Вадим Кожевников* 72
Бородинское поле. *Евгений Кригер* 75
После победы. *Вл. Лидин* 77
За нашей спиной Москва. *А. Сурков* 79

22 ИЮЛ 1947

Цена 30 коп.

20187911202